

Валерий Еремеев Приговоренный

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329462

Валерий Еремеев. Приговоренный.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2013

ISBN 978-966-14-6561-8

Аннотация

Если тебя «приговорили», у тебя есть один выход – действовать быстрее, чем враги! Но для этого еще нужно понять, что же происходит... Молодой опер Юлий Тараскин попал в серьезную переделку: его подозревают в убийстве бывшего начальника, а неизвестные преступники ведут на него охоту. Чтобы спасти свою жизнь, Юлий начинает собственное расследование. Ответы скрываются в его прошлом...

Осторожно! Ненормативная лексика!

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Дед Мороз и двое из Простоквашино	11
Кошмары Тараскина	23
И ты, Брут...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Еремеев

Приговоренный

© Еремеев В., 2014

© DepositPhotos.com / Fernando Cortes de pablo, Tatiana Belova, обложка, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Предисловие

Корми ребят, нам еще солдаты понадобятся. Эра Милосердия – она ведь не скоро наступит...
Аркадий и Георгий Вайнеры. Эра Милосердия

«Такого быть не может! В жизни этого не бывает!»

Увы, иногда читатель именно с такими словами откладывает в сторону книгу. Но жизнь – большая шутница. Иногда она так коварно обходится с судьбами людскими, что не всякому автору хватит решимости это все просто описать, ничего не стараясь скрыть и ни о чем не пытаться умолчать.

Именно удивительная судьба ждет и героя нового романа Валерия Еремеева. Жизнь проведет его самой извилистой дорожкой к пониманию, что же в ней главное. Не сразу, но он увидит, кто ему враг, а кто настоящий друг. Не сразу разглядит за масками подлинную сущность тех, кто рядом с ним. Не сразу поймет даже, кто любит его, а кто ненавидит. И почему.

Быть может, кто-то упрекнет автора в том, что детектив слишком кровавый, что нет ни одного по-настоящему положительного героя, что даже в самом с виду невинном человеке нет-нет да и проявляется какая-то гнильца.

Хотя разве автор виноват в том, что такова жизнь? Ведь он просто описал события, не приукрашивая, просто назвал все своими именами: подлеца – подлецом, лжеца и двурушника – лжецом и двурушником, прагматика – приспособленцем, паука и закулисного кукловода – настоящим преступником.

К сожалению, так часто и случается в нашей с вами жизни – человек, которого мы больше всего опасаемся, стараемся если не обходить десятой дорогой, то уж точно сторониться, в решающий момент вытаскивает нас из почти безнадежной ситуации. А вот лучший друг, на которого, казалось бы, мы могли положиться, внезапно исчезает без объяснений. И нет того, кто смог бы сказать нам: «Осторожнее, перед тобой подлец» или «Эта женщина любит тебя на самом деле, не лукавая».

«Приговоренный» – замечательный образец того жанра, который можно было бы назвать реалистическим детективом. Не в том смысле, что автор описал горы трупов и море крови, и не в том, что заставил героев общаться исключительно с помощью матерных выражений. Признанный мастер жанра, В. Еремеев честно рисует нам жизнь такой, какой видит, ничего не приукрашивая и ничего не очерняя – он просто ничего не скрывает от читателя.

Вот поэтому герои Еремеева ведут себя как живые люди – любят, предают, берегут свою жизнь в первую очередь, влипают в совершенно немыслимые переделки, из которых выбираются чудом. Находят настоящих друзей и теряют свое лицо, пытаются вернуть себе прежние должности или потерянное уважение, обретают авторитет и теряют его, – словом, живут не картонно-книжной, а самой что ни на есть подлинной жизнью.

Именно поэтому роман воспринимается как описание событий, которые не так давно происходили рядом с нами, с нашими приятелями и хорошими знакомыми. И именно поэтому героям романа хочется помочь ну хотя бы советом, если уж не получается как-то иначе.

Хочется сделать так, чтобы герой романа больше не был приговорен. Чтобы прожил счастливую и спокойную жизнь, оставаясь нашим близким другом.

Пролог

Белые дороги (начало)

Габа, Геббельс и Глаз. Так они называли друг друга. Одно сплошное «гэ», как мысленно шутил Сергей, годы спустя, когда уже можно было над этим шутить, не чувствуя, как черный озноб пробирает тебя до мозга костей. Их настоящих имен он так и не узнал. Сначала Геббельс, правда, представился Володей, но это ровным счетом ничего не означало.

Утром 26 апреля 1986 года Сергей стоял на автостанции городка Припять. Двухнедельное мотание по селам севера Киевской области закончилось. Главный инженер проекта и трое рабочих еще с рассветом укатили на геодезической машине – «летучке». Ехать с ними Сергей отказался. Единственное пассажирское место в кабине было занято ГИПом, а трястись не одну сотню километров на деревянной скамейке в будке, слушая, как старший рабочий рассказывает о своей проведенной в Сибири молодости, было выше его сил. Натрясся порядочно. До мозолей на заднице. И рассказы все эти, про медведей и про сплав леса на Нижней Тунгуске, надоели хуже горькой редьки.

Сергей решил ехать автобусом. Поэтому и оказался на автостанции и после часа бессмысленного ожидания уже начал жалеть о своем решении. Один рейс отменили, потому что не пришел автобус из Киева, другой перенесли на неопределенное время. Люди вокруг беспокоились. Особенно их тревожило число находящихся на автостанции милиционеров. Втрое больше обычного. Было бы понятно, если бы они кого-то ловили. Преступника или там солдат-дезертиров. Мало ли. Всякое бывает. Но в том-то и дело, что никого они не ловили, ничего не проверяли. Милиционеры просто присутствовали, причем на их лицах читалась такая же растерянность, что и на лицах неухавших пассажиров. Последнее пораживало больше всего.

В этот момент к Сергею и подошел с вопросом мужчина, еще молодой, но не по годам облысевший, чем-то похожий на провинциального актера либо просто на работника филармонии, в давно не глаженных темных брюках и коричневой замшевой куртке, в карманах которой держал руки. Отвлек от книжки «Мастер и Маргарита», которую Сергей читал тут же, стоя у платформы.

– Извините, что беспокою. Вы машину водить умеете?

– Да, а что?

Водительские корочки Сергей получил давно, после обучения в школьном профцентре, и очень этим гордился. В то время далеко не у каждого жителя Страны Советов имелось удостоверение водителя, как, впрочем, и сам автомобиль.

Незнакомец оживился:

– И права с собой есть?

Сергей не ответил. Он считал, что прежде, чем задавать такие вопросы незнакомому человеку, нужно сначала хоть в общих чертах обрисовать их цель. Да и самому назваться тоже не помешало бы. Но водительское удостоверение у него было. Он стал постоянно брать его с собой после одной из командировок. Председатель колхоза, в котором они обследовали местность для составления проекта двух артезианских скважин и пруда, на целую неделю предоставил ему один из своих «газиков», причем без водителя. «Газик» был порядком «уставший», но Сергей все равно ездил на нем с огромным удовольствием, понимая, что с зарплатой, которую ему платили в проектом институте, собственным автомобилем обзаведешься не скоро.

– Меня Володей зовут, – понял и поспешил исправить свою ошибку незнакомец.

– Сергей.

– Местный или командировочный?

– В командировке. Инженер-геофизик.

– Понятно. Как говорит один мой знакомый: «Я мог бы зарабатывать деньги, но стал инженером», – Володя улыбнулся своей шутке, но заметив, что собеседника она не очень веселит, стал серьезным и продолжил: – Я тоже командировочный. Только по финансовой части.

– С ревизией? – догадался Сергей.

Володя кивнул.

– Ревизия. Она самая. Дебет, кредит и все, что с этим связано. Тут вот какое дело, Сережа, – отступая на несколько шагов и увлекая таким образом собеседника в сторону от других стоящих на платформе, сказал он. – Мы сюда на машине приехали. Я да двое моих коллег. Вчера, после того, как акт подписали, посидели с ребятами маленько, ну ты понимаешь. Я-то не употребляю совсем, а вот мои товарищи, увы, да. Коллега мой, тот, чья машина, перебрал. Отравился. Намешал ершей всяких, а теперь лежит бледный, руки дрожат, язык высунул. Пробовал вести машину. От гостиницы триста метров проехали, чуть в столб не врезались. И милиции как назло на улицах куча. Учения у них какие-то, что ли? Не пойму. Кроме него, никто из нас с автомобилем не дружит. А ехать надо. Время поджидает. Словом, выручай. Ты ведь до Киева едешь?

У Сергея замерло сердце.

– В принципе да. Сначала до Киева, потом, правда, дальше.

– Ну и мы до Киева. Ты везешь нас, мы везем тебя. Это выход. Для всех.

Сергей едва не подпрыгнул от радости. Прокатиться с ветерком на машине, да еще и самому за рулем, да еще при непонятных автобусных перспективах! Это был еще какой выход! Замечательный выход! Спрятав «Мастера...» в портфель, он не раздумывая пошел вслед за своим новым знакомым.

Машина, малинового цвета, стояла неподалеку от станции. Володя не соврал: от того места до гостиницы, где также останавливался и Сергей, где-то около трехсот метров и было. А машина-то какая! Не какой-нибудь «москвич» задрипанный, а «жигули», причем не устаревшая «копейка», а «Лада» шестой модели, о которой можно было только мечтать.

Володины коллеги находились на заднем сиденье.

– Добрый день. Сергей, – представился он, открыв дверцу со стороны водителя.

– Здоров, – гнусаво ответил один мосластый, с густыми черными бровями и огромными, совсем не фининспекторскими ручищами, которыми он сжимал лежащий на коленях серый пластиковый дипломат, еще называемый «мыльницей», из-за формы и материала, из которого был изготовлен. Вернее, даже не дипломат, а почти чемодан, потому что его размеры намного превосходили размеры обычного кейса. В одном из верхних углов дипломата размещалась начавшая облезать овальная, сделанная в ГДР наклейка с изображением красавицы блондинки.

Имени своего он не назвал, но Сергей отнес это на счет того, что и он тоже перебрал накануне лишнего. Третий, с бледным, как наволочка, лицом, сидел с закрытыми глазами, запрокинув голову на спинку сиденья. В салоне в самом деле стоял запах алкоголя, правда, не перегара, а свежей водки. Мосластый, наверное, похмелялся.

– Ты ремешок-то пристегни, – сказал Володя, занимая место рядом с водителем. – Ни к чему нам лишние придирки.

Сергей щелкнул замком ремня безопасности. Сам Володя, однако, ограничился тем, что просто накинул ремень на правое плечо.

Поехали. Милиции в городе в самом деле было навалом. Особенно возле государственных учреждений. Дороги, как проезжая часть, так и тротуары, почти везде были залиты непонятным белым раствором.

– Ничего не понимаю. Эпидемия у них тут, что ли? – произнес Володя, крутя по сторонам головой.

Сергей не ответил. Если эпидемия, то как тогда объяснить большое количество находящихся на улицах людей? Была суббота, и если дети еще учились в школе, то взрослые вовсю пользовались благами выходного дня: гуляли в скверах, расположились на берегах речки и водохранилища, искусственно созданного для охлаждения агрегатов атомной электростанции. Погода располагала.

Однако еще больше, чем белые дороги, Сергея взволновало другое: руки Володи, которые он наконец вынул из карманов – многие пальцы были татуированы перстнями; его нервозность каждый раз, когда они проезжали мимо очередного милицейского «бобика», и, самое главное, жутковатые, участвовавшие хрипы на заднем сиденье.

– Вы уверены, что вашему товарищу не нужна медицинская помощь?

– Ничего, отойдет, – безразлично ответил Володя. – Будет знать в другой раз, как смешивать водку с вермутом.

Больной опять захрипел, на этот раз особенно громко и долго, так что его хрип под конец перешел в надрывный кашель. Сбавив скорость, Сергей оглянулся назад – изо рта человека вместе с кашлем вылетали кровавые пенные клочки.

– Все! Я разворачиваюсь обратно в город. Мы едем в больницу.

В шею Сергея тут же больно врезалось что-то острое, холодное, а в правый бок уткнулось что-то тупое, но не менее неприятное.

– Хрен ты куда разворачиваешься. Езжай, куда договорились. Если жизнь дорогá, – прогнали за спиной.

Сергей скосил глаза. В руке у Володи был пистолет, ствол которого и упирался ему под ребра. Что было возле шеи, он не видел, но догадывался – ничего хорошего.

– Чтобы не было вопросов, сразу поясню ситуацию, – сказал Володя. – Мы едем в Киев. И никаких больниц и прочих фокусов. Если на дороге встретим еще ментов, только попробуй машину дернуть, или фарами мигнуть, или еще какой крендель выкинуть. Мы и тебя кончим, и легавых этих кончим. Нам терять нечего. Рули спокойно и смотри на дорогу.

Володя замолчал и посмотрел на Сергея. Тот тоже молчал, делая, как ему сказали. Черт его дернул согласиться на предложение подобного рода. Что будет дальше? Теперь он понял, почему Володя настоял, чтобы он непременно пристегнулся – так он не сможет на ходу быстро выпрыгнуть из машины.

– И расслабься ты. А то сидишь, будто кол в одном месте.

– Трудно быть расслабленным в данной ситуации.

Володя хохотнул, но пистолет не убрал.

– Я знаю, что тебя успокоит, – сказал он и свободной рукой порылся у себя в карманах. Не найдя желаемого, обратился к сидевшему сзади: – Габа, отсчитай ему столик.

– Еще чего! Общакосный лавандос! – попробовал было возмутиться Габа, но не тут-то было.

– Твой номер шестой, делай, что велят, и помалкивай! Еще раз чевокнешь, Гвоздю компанию составишь.

Временно убрав нож от шеи Сергея, Габа полез в чемодан и скоро протянул Володе четыре фиолетовых банкноты по двадцать пять рублей каждая. Тот смял купюры в комок и сунул Сергею в боковой карман пиджака.

– Сто «рэ». Будешь умницей, довезешь нормально – получишь еще столько же.

Если бы двести рублей вот так чудом свалились на него при других обстоятельствах, Сергей бы, конечно же, обрадовался. Шутка ли, его зарплата за полтора месяца. А у него дома красивая молодая жена. Слишком красивая. И слишком требовательная. Не в смысле порядка в доме дотошная или там чтобы с работы всегда вовремя приходил. В плане вещей

требовательная, шмоток и цапек всяких. Много хочет женщина, не по средствам живет. Ни по своим, ни по мужниным. Разбаловал ее папочка, второй секретарь горкома партии. Как сыр в масле каталась. А только замуж выдал, так сразу баловать и перестал. Вот тебе, мол, дорогой зятек, моя ненаглядная дочка, и делай ты с ней что хочешь. Сергей тотчас после свадьбы пробовал было подъехать к тестю на хромой кобыле, так, мол, и так, папочка, как насчет того, чтобы зятю любимому насчет карьерного роста поспособствовать. Размечтался голый о шубе. Папашка аж зенки выкатил, как только это услышал. Сразу важный такой стал, надутый. Я, говорит, Сережа, всю жизнь сам себе дорогу пробивал, без посторонней помощи. Чего и тебе желаю. Это, если хочешь знать, мой жизненный принцип: сам ни от кого протекций не жду и никому их не составляю. Кто бы говорил. Помнил Сергей, как он на их свадьбе перед приглашенным номенклатурным начальством угодничал. Не знал, с какой стороны подойти и как бы помягче усадить. О молодых и не думал совсем. А теперь принципиального из себя корчит. Папашка, хрен моржовый, потом, правда, смягчился, воздух из щек выпустил. Посмотрим, что ты за человек, сказал. Семью создай сначала крепкую. Детишек заведи, а потом и с карьерным ростом уладим. Против детишек Сергей ничего не имел. Наоборот, очень даже желал. Вот только женушка держалась другого мнения. Аборт сделала и мужа не спросила. Сергей случайно узнал. А как узнал, забыл, что он интеллигент в третьем поколении, так ей в глаз свистнул, что половина личика враз синяя сделалась. Она – за чемодан и назад к родителям. Папа ее как мог утешил. Чайком напоил, коньячку импортного из спецраспределителя плеснул. Потом посадил в свою номенклатурную «Волгу» и отвез назад к мужу. Разбирайтесь, детки, сами. Теща, правда, пробовала что-то булькать, но ее принципиальный муж так на нее глянул, что она враз забыла, что собиралась сказать. Видать, тоже по молодости получала. Сергей с супругой помирился, она вроде даже и на ребенка теперь была согласна, только вот после этого аборта никак у нее забеременеть не получалось. Сергей, естественно, переживал, а ей хоть бы хны. Мотается себе по фарцовщикам. Тряпки эти заграничные складывать некуда, а все мало. Бросить бы стерву, а не может. Любит он ее. Любит сильно. На ней, заразе, женился, а не на должности второго секретаря горкома. Долгов из-за нее понаделал. Таким образом, эти две сотни рубасов были бы как нельзя кстати. С кредиторами бы рассчитался.

Только вот не было никакой уверенности в том, что позволят ему уйти живым. Нет, тут и думать нечего. При первой же возможности надо хоть в столб, хоть в кювет. Авось повезет живым остаться. Только вот представится ли такая возможность? Володя ствол держит крепко. За спиной с финкой у шеи Сергея сопит Габа. Стоит только руль не туда повернуть, и все. Не зарежут, так пулю в бок всадят. Ладно, пока едем, а там видно будет.

Притихший было на время больной внезапно опять разразился кашлем, походившим на неприличное хрюканье, который тут же оборвался, так же резко, как и начался.

– Геббельс, слышь, че говорю? Гвоздь зажмурился, – тихо сказал Габа.

– Правда, что ли?

– Падлой буду. Кровь ртом пошла. Сам погляди. Все табло мокрое. И не дышит.

Володя, он же Геббельс, не стал оборачиваться, по-прежнему глаз не спуская водителя. По обоим краям дороги тянулся лес.

– Сбавь скорость, Серега. Увидишь первый же удобный съезд к лесу, свернешь. Нам кореша похоронить надо.

Хоронил Гвоздя один Габа. Геббельс сидел в машине, стерег Сергея.

– Что с ним было? – набравшись храбрости, спросил Сергей, потому что установившееся в машине молчание казалось ему еще более зловещим.

Он и не ожидал, что Геббельс ему ответит, но все-таки услышал:

– Производственная травма. Пуля в груди.

– Милиция?

– Хуже.

Уточнять, кто для уголовников может быть хуже милиции, Сергей не стал. Очень может быть, что Геббельс говорил правду. Не похоже, чтобы милиция их напрямую преследовала. Геббельс требовал ехать, соблюдая все правила, и ничем не привлекать внимание. Сергей и без всяких требований никогда не любил лихачей. Осторожно и не спеша они пересекли небольшой городок Чернобыль, после которого повернули на юго-запад и проехали еще километров восемь-десять. Впереди показался мост через реку. Они уже почти приблизились к реке, как вдруг над мостом вспыхнуло пламя и сразу за ним в небо взвился столб густого черного дыма.

– Что это там за дерьмо?! – удивленно воскликнул Геббельс.

– Где? – подал голос туповатый Габа, отвлекаясь от водителя.

– Там!

«Пора», – решил Сергей. Не чувствуя больше ни ствола в боку, ни лезвия у шеи, он резко крутанул руль в правую сторону. «Лада» съехала с шоссе и, переворачиваясь, полетела под откос...

Дед Мороз и двое из Простоквашино

2008 год, весна

Телефон. Его зуммер можно было бы сравнить со звуком врезающейся в бревно циркулярной пилы. Он резал надвое мозг, пилил каждую извилину. С чего бы это? Никогда ранее Юлий не замечал за собой аллергии на вдруг зазвонившие телефоны внутренней связи. Но все сразу стало ясным, стоило лишь более осознанно глянуть на панель аппарата, – не звук, а маленькая мигающая лампочка-индикатор красного цвета. Это она заставляла его покрыться холодным нервным потом. Лампочка, свидетельствующая, что на другом конце провода находится сам Лапов. Полковник Лапов. Его Высочество Лапов. Шеф регионального управления по борьбе с организованной преступностью.

Юлий не верил своим глазам. За неполных три года службы в упомянутом заведении ему ни разу не доводилось лично разговаривать с полковником. Даже по телефону. Лапов не был ни Наполеоном, ни Суворовым. Эти двое, если верить воспоминаниям очевидцев, знали каждого из своих солдат. Но Лапову не было никакого дела до прославленных полководцев прошлого. Он был сам по себе. Лапов – и этим все сказано.

Лапов держался в стороне от своей армии, то есть от всего личного состава УБОПа, общаясь лишь с начальниками отделов и служб. Они-то и доводили его приказы, пожелания и замечания до остальной серой массы. Представителям последней вообще не рекомендовалось показывать свой нос вблизи приемной полковника без крайней необходимости. Даже собеседование с желающими поступить на службу проводил заместитель начальника управления. Сам Лапов вызывал к себе рядовых работников только в крайних случаях – для того, чтобы задать очень жесткую, вплоть до увольнения, трепку, либо для нешуточного поощрения, чего на памяти Юлия никогда не бывало. Собственными глазами Юлий лишь изредка видел полковника. Когда, несмотря на все принятые меры предосторожности, случайно сталкивался в коридорах управления. В такие моменты ему хотелось уменьшиться до размеров муравья и забиться в щель между паркетинами. Изредка Юлий встречал его в продуктивном супермаркете. Так уж вышло, что оба они жили в одном микрорайоне и их дома находились в соседних кварталах.

Юлий поставил на стол чашку с недопитым кофе, снял трубку, сделал усилие, чтобы не дрожал голос.

– Оперуполномоченный Тараскин, слушаю.

Ответом ему был фамильярный рев:

– Тарас!

– Я, Иван Семенович!

– Ты – пидорас!

– ...?

– Через минуту чтоб был у меня!

Его полное имя было Юлий Сергеевич Тараскин. Тарас – это от фамилии. Так его еще в школе звали, и против этого он ничего не имел. Раз Тараскин – значит Тарас. Все справедливо. Главное, чтобы к прозвищу никто не подбирал бранных эпитетов. Никто и не подбирал. Пытаться пытались, но Юлию-Тарасу всегда удавалось убедительно объяснить, что так делать нехорошо. Увы, начальник на службе – это не товарищ по парте.

Тем более такой шеф, как Лапов. Высокий рост. Широкие плечи. Бритая голова. Усы. Строгий взгляд из-под густых бровей. Юлию он всегда напоминал героя гражданской войны Григория Котовского из одноименного фильма сороковых годов прошлого века. Черные пиджаки из тонкой сильно пахнущей кожи, которые так любил носить Лапов, лишь усили-

вали сходство. Не хватало лишь маузера в большой деревянной кобуре, чтобы лично расстреливать не оправдавших надежды бойцов.

Отшвырнув от себя телефонную трубку, словно в ней вдруг обнаружилась нора тарантула, Юлий выскочил из кабинета и со всех ног понесся в сторону приемной. Волнуясь, он тешил себя надеждой, что, может, не все еще так плохо. Может, все очень даже хорошо.

Впрочем, все эти его нервы, весь этот страх были скорее на уровне рефлексов, доставшихся Юлию в наследство от предков, вынужденных на протяжении тысячи лет бояться начальства и вылизывать ему зад. В глубине души ему было все равно. Ну, что сделает ему Лапов? Выгонит? И что? Семьи, которую надо одевать и кормить, у него не было. А самому Юлию много не надо. И вообще, перед тем как пойти на работу в милицию, он хотел стать убийцей по найму... Нет, серьезно. Впрочем, обо всем в свое время.

Влетев в широкие двери приемной, Юлий взгляделся в глаза розовошекой, чем-то напоминающей сильно похудевшую деревянную матрешку, Жанны Игоревны – секретарши. Может, хоть там он сможет увидеть то, что уготовило ему ближайшее будущее?

– Меня вызывали.

Секретарша кивнула. В ее глазах было пусто, как в сейфе профсоюзной кассы взаимопомощи.

– Сильно не в духе? – попытался еще раз Юлий, но Жанна Игоревна лишь неопределенно подняла и опустила левое плечо, после чего принялась смотреть под стол, словно там происходило нечто интересное.

Посмотрев на отражавшегося в зеркальных дверках шкафа-купе себя – двадцативосьмилетнего человека, худого, светловолосого, с правильными чертами лица и подпорченным кривизной носом – результатом одной подростковой разборки, Юлий потянул за золоченую ручку больших дверей.

– Разрешите, Иван Семенович? Старший лейтенант Тараскин явился по вашему вызову.

Пройдя пару шагов от дверей, он замер на месте, наткнувшись взглядом на колючие глаза хозяина кабинета. Что и говорить – зрелище не для слабонервных.

– Так вот ты какой, оперуполномоченный Тараскин, – медленно, смакуя каждый слог, произнес полковник, скользя по прошедшему таким же медленным, тяжелым взглядом. – Что встал? Подходи ближе.

Юлий подошел. Может, все еще обойдется? Бывалые рассказывали, что полковник в редкие моменты личного общения с рядовым составом любил прежде, чем сообщить подчиненному приятную новость, сначала напугать его до усрачки.

Не обошлось.

– Что, говнюк, наломал дров?

«Я не говнюк», – гордо решил ответить Юлий, но, когда открыл рот, из него вылетели лишь неуверенные булькающие звуки:

– Я... не понимаю... Иван Семенович...

К счастью, Лапов его перебил:

– Не понимаешь, как же! Зато я понимаю. Герой с дырой. Ты вообще кем себя воображал? Сериалов про героических ментов насмотрелся?

– Так я... это.

– Молчать, гандон штопанный! Говорить будешь, когда позволю. Сейчас меня слушай.

Юлий посмотрел на полковника почти что с благодарностью. Тот был прав. В его положении лучше молчать. Молчать и слушать. Юлий знал: чем больше гадостей будет произнесено в его, Юлия, адрес, тем спокойнее он станет – таким уж он был человеком.

Любые же оправдания будут только мешать.

Поток ругательств все усиливался, но Юлий и впрямь устоял. Раздавить его морально полковник оказался не в силах. Наполнявшая Юлия досада от несправедливых упреков вытеснила остатки страха и тут же сменилась злостью. Не той злостью, которая заставляет холериков впадать в истерики, а злостью холодной, расчетливой, позволяющей спокойно ждать своего часа. Даже если знаешь, что этот час никогда не наступит. В какой-то момент Юлий вообще перестал следить за речью полковника, начав рассматривать украшающие кабинет фотопортреты в рамках. Фотограф запечатлел полковника в разные моменты жизни. Вот он с ружьем и связкой подстреленных диких уток. Там с ружьем и кабаньим окороком. Тут с ружьем и дохлым зайцем, а еще вон там – со спиннингом и огромным зеркальным карпом.

А ведь Юлий должен был догадаться, чем закончится его утреннее приключение. В тот самый момент, когда увидел на руке задержанного им налетчика часы, стоимость которых навскидку тянула не на одну тысячу долларов...

* * *

Их было двое. Одетые в маскарадные костюмы, они выходили из магазина детских игрушек «Малыш и Карлсон». Утренник в детском саду. Или рекламная акция. Мысли об этом пришли в голову Юлия, стоило только их увидеть. Рекламная акция была вероятнее, тем более что в последнее время на каждом шагу можно было наткнуться на рекламных зазывал, ряженных под тропические фрукты, зубные пасты и кока-кольные банки. Да мало ли во что еще.

Те, о которых шла речь, предпочли преобразиться в персонажей мультфильма «Трое из Простоквашино». Первым, важно волоча хвост и слегка покачиваясь из стороны в сторону, шел кот Матроскин. Искусственный мех его костюма давно свалился и нуждался в химчистке. То, что котятра именно Матроскин, а не кто-либо другой, Юлий определил главным образом благодаря семенившему следом почтальону Печкину – худому человеку в коричневом плащике, растрепанной кроличьей шапке и маске, состоящей из большого слегка загнутого вверх носа и густой щетки прямых усов. На его плече висела внушительная желтая сумка с белыми буквами «ПОЧТА».

Юлий стоял в метрах десяти от «Малыша и Карлсона». Поджидал человека, обещавшего слить теневую схему отмывания крупных сумм денег.

Информатор опаздывал, вот Юлий и крутил головой по сторонам от скуки.

Вид Матроскина и Печкина его позабавил, вызвав желание сказать им что-то смешное. – Стоять, милиция!

Тупо, кто бы спорил. Но ничего поумнее Юлию как-то не пришло в голову. Правда, щерился он при этом так широко, как не улыбался даже кандидат в президенты США, выступая перед своими избирателями. Тут бы и самый недалекий понял – это просто прикол, шутка такая веселая.

– Ваши доку́менты! – продолжил он, ожидая услышать в ответ знаменитое: «Уши, лапы и хвост – вот мои документы».

Не тут-то было. В руке Матроскина появился... нет, не паспорт, и даже не водительские права, а револьвер, в тот момент показавшийся Юлию невероятно большим. Черное дуло уставилось в его сторону. Он еще ничего не понял, а пакостный кот уже принялся давить на курок.

Первый патрон дал осечку. Ну, его счастье. Пуля второго скорее всего отправила бы Юлию на тот свет, если бы не свойственные ему в критические моменты быстрота движений и молниеносное, часто на подсознательном уровне, принятие решений.

С ловкостью каскадера, так, словно ничем другим не занимался, Юлий отпрыгнул с тротуара на проезжую часть и покатился по асфальту, используя в качестве укрытия высокий бордюр. Конечно, он рисковал попасть под колеса, но движение было не особенно интенсивным, час пик миновал, да и автомобилисты ввиду многочисленных выбоин по краю дороги старались держаться поближе к разделительной полосе.

Злоумышленники бросились в разные стороны. Матроскин, еще два раза неудачно пальнув в Юлия, попытался укрыться в магазине. При этом он сильно ударился коленом о бетонную урну и, театрально подпрыгнув от боли, уронил с головы кошачью маску (больше напрашивалось слово «шлем»). Свой маневр он, однако, завершил, нырнув в стеклянные двери «Малыша и Карлсона» и сверкнув на прощание рыжим затылком.

Почтальон Печкин тем временем бежал во всю прыть вдоль магазинных витрин, держа в руке вынутый из сумки МП-40, немецкий автомат времен Второй мировой войны, который зачастую ошибочно называют «шмайсером».

– Стоять, стрелять буду!

Блеф. Выстрелить Юлий мог разве что из указательного пальца. Не то что оружия, в то утро при нем не оказалось даже рогатки. Впрочем, даже если бы пистолет и был, вряд ли бы он им воспользовался. Слишком высок был риск попасть в постороннего – за стеклами витрин могли быть люди.

Здание изгибалось таким манером, что по своей форме напоминало кочергу. За поворотом витрин не было. Прохожих тоже. Печкин, сообразив, что, огибая «пятку кочерги», он будет представлять собой отличную мишень, бросился к месту излома здания под прямым углом. Там, прикрытый большой мраморной тумбой-вазоном, он мог меньше опасаться гипотетических пуль Юлия, но зато сам оказывался в ловушке, в буквальном смысле этого слова загнав себя в угол.

– Сдавайся, клоун! – подбежав ближе, еще раз крикнул Юлий.

Ответом была длинная, почти на весь рожок, автоматная очередь, но ему опять удалось вовремя распластаться на асфальте. Пули цокали совсем рядом, но достать Юлия не могли. Защитой служили уже упомянутый выше бордюр и продавленный асфальт на краю проезжей части.

«Стрех-стрех-стрех», – трещал МП-40, и этот звук казался таким нереальным в конце первого десятилетия двадцать первого века на обвешанной баннерами улице с рекламой маникюра с рисунком, комплекса спа-процедур, моющих пылесосов и женских сумок со скидками.

«Стрех-стрех-стрех». Пули рикошетили о гранит бордюра, портили асфальт справа и слева, одна даже сорвала кусок каблука с подошвы его правого ботинка. Недостатка в патронах преступник, похоже, не испытывал. Расстреляв один магазин, тут же присоединил другой, и стрельба возобновилась с новой силой, пока, наконец, не случилось то, что должно было случиться, – перегревшись от стрельбы длинными очередями, допотопное оружие стало давать сбои, а потом и вовсе смолкло. Это был шанс. Моля Бога, чтобы у стрелявшего не оказалось в сумке какого-нибудь фаустпатрона, Юлий в несколько прыжков достиг места, где укрывался злоумышленник, и остановился как вкопанный. Такого он не видел даже в кино: Печкин преспокойно сидел, прислонившись спиной к стене, вытянув вперед ноги, и щелкал дорогой зажигалкой, пытаясь прикурить сигарету. Автомат лежал рядом.

– Руки за голову, сволочь!

Никакого впечатления эти слова на Печкина не произвели. Он посмотрел на Юлия и, казалось, даже улыбнулся под своей маской.

– Партизаны не сдаются. Гитлер капут!

Сделав еще одну безуспешную попытку закурить, Печкин отбросил зажигалку на кучу стрелянных гильз.

– Вот говно! За что только сто баксов отдал? У тебя огня нет?

– Руки за голову, сказал!

Печкин вытянул руку со сложенной фигой.

– А вот это видел?

Это переходило всякие границы. Отшвырнув ногой автомат, Юлий прыгнул на Печкина сверху, повалил на землю и, прижав коленом, сорвал маску. Печкин на деле оказался молодым круглолицым шатеном со вздернутым носом и тонкими невыразительными губами. Кругломордость и худоба – странное сочетание. Закручивая преступнику руки за спину, Юлий обратил внимание на массивные и, самое главное, настоящие, в этом он разбирался, *Patek Philippe* на его левом запястье и еще раз усомнился в реальности происходящего: мажор, грабящий магазин игрушек, – это было из области нереального.

Впрочем, отчасти причины такого поступка без всяких слов объяснялись видом его безумных глаз с сильно расширенными зрачками. Другого оружия при стрелке не оказалось, разве что в сумке лежало еще два полных магазина к МП-40. Связав Печкина ремнем от автомата, Юлий ввиду ожесточенного сопротивления преступника не смог отказать себе в удовольствии как следует повозить его лицом по тротуарной плитке.

К нему уже бежали приехавшие на выстрелы сотрудники патрульно-постовой службы.

– Старший лейтенант Тараскин, УБОП, – представился он, одной рукой протягивая навстречу нацеленным было на него стволам служебное удостоверение.

– Бывший лейтенант, бывший! – все не мог успокоиться дергающийся в его руках Печкин. – Тебе конец, мусор позорный! Ты усек? Конец!

Обращать внимание на угрозы у Юлия времени не было.

– Там, в магазине, еще один грабитель. Он вооружен и мог взять заложников.

– Гонишь! – усомнился самый старший из приехавших, в капитанском звании. – Зачем кому-то совершать налет на магазин игрушек?

Но Юлий уже знал ответ и на этот вопрос. Совсем недавно там располагалось банковское отделение. Потом банк съехал, а помещение сдали в аренду под магазин. Два накокаиненных гамадрила с мозгами, похожими на печеные яблоки, просто не придали этому значения.

Все это он рассказал капитану. Тот тоже заглянул в лицо связанному. Посмотрел в сторону «Малыша и Карлсона». Покачал головой.

– Да ладно. Какие еще заложники? Небось ушел давно через задние двери.

– В чем же дело? Нет ничего проще проверить.

Капитан неуверенно оглядел подчиненных.

– Ляшко, иди проверь магазин. Только осторожно, – велел он самому младшему.

Того такая перспектива не обрадовала. Он злобно поглядел сначала на Юлия, потом на своего начальника.

– А че я?

– Через плечо. Проверь, сказал!

По счастью для Ляшко, рисковать ему не пришлось. Работники магазина сами стали выглядывать из дверей. Выяснилось, что Матроскин находится в глубоком нокауте, потому что одна отчаянная продавщица, увидев возвращающегося грабителя, разбила о его голову тяжелый графин с водой.

– Они требовали денег, валюты. Угрожали девочкам. Говорили, что перестреляют всех, – несколько минут спустя, заикаясь от пережитого, рассказывала заведующая «Малыша и Карлсона». – Я пыталась объяснить, что это магазин, а не банк, что касса пустая, потому что мы только открылись, с утра еще ни одного покупателя не было, но они нас будто не слышали. Потом вот этот, в маске кота, стал срывать с кассирши сережки и ударил ее рукояткой пистолета по лицу. Еле в чувство ее привели.

Только теперь, убедившись, что оба налетчика упакованы по полной программе, Юлий в полной мере осознал всю реальность только что пережитого приключения. Выйдя из магазина, он вертел головой по сторонам, нюхал пропитанный пороховой гарью воздух, смотрел на вспоротый автоматными пулями асфальт. Неужели все это произошло именно с ним и он не только выжил, но и задержал вооруженного преступника?

Юлий всегда считался неплохим опером. По крайней мере, так говорил его непосредственный начальник Руслан Петрович Сыч. Однако в головокружительных погонях, от которых дух замирает, Юлий не участвовал и с бандитами доселе не перестреливался. Правда, будучи подростком, он поучаствовал в предостаточном количестве уличных драк. Как-то даже, пустив в ход нож, основательно попортил шкуру одному наперсточнику на феодосийском пляже. В милицию мастер «кручу-верчу» обращаться не стал, но зато, когда выздоровел, с двумя приятелями подкараулил обидчика. Тогда Юлию чудом удалось отбиться, но нос ему все-таки сломали. Словом, юность у Юлия была бурная, но чтобы вот так вот извиваться под пулями – ему ни разу не приходилось. Что касается милицейской карьеры, то ее он начал в отделе по борьбе с экономическими преступлениями, справедливо считая своим главным оружием не положенный табельный макаров, а клавиатуру компьютера, ручку и калькулятор. Потом его наставника майора Сыча перевели из ОБЭПа в УБОП, а тот в свою очередь прихватил с собой своего подчиненного. Так Юлий оказался в Шестом управлении МВД, «шестерке».

Дождавшись приезда следственной опергруппы и объяснив свою роль в этом деле, Юлий, так и не встретившись с информатором, отправился в контору, чувствуя себя почти что героем. «Почти» – потому что полностью испытать триумф мешали те самые *Patek Philippe* на руке Печкина, а также слова, которые тот выкрикивал в момент посадки в автомобиль, извиваясь в руках патрульных. Парнишка ругал присутствующих легавыми псами и клятвенно обещал, что еще станцует на могиле Юлия ча-ча-ча.

Теперь, выслушивая щедро одобренную всеми видами ругательств речь Лапова, Юлий убеждался, что угрозы оказались не пустыми.

А Лапов все говорил. В его представлении задержанные возле «Малыша и Карлсона» отморозки оказывались милыми молодыми людьми, которые просто хотели малость подурачиться, пошутить, и, если бы не его мудак подчиненный, сунувший куда не надо свое свиное рыло, они бы просто поехали домой и ничего бы не было. Ни стрельбы среди бела дня, переполошившей жителей города, ни этого неприятного разговора.

В монологе Лапова возникла пауза. Самое время Юлию объяснить свои действия. По крайней мере, попытаться это сделать.

– Они были вооружены. Оба! Стреляли в меня, работника органов. Угрожали оружием продавщицам из магазина. Женщинам, полагаю, было не до шуток.

Объяснения пришлось полковнику не по душе. Он гневно посмотрел на Юлия, но смутить его больше не смог. Юлий не боялся.

– Тоже мне, нашел оружие, – грубо, но уже без прежнего злого надрыва, даже с некоторым уважением ответил полковник. – Антикварная рухлядь. Да будь они настоящими налетчиками с современным оружием, я бы с тобой вряд ли беседовал. Да ты бы глазом моргнуть не успел, как из тебя решето бы сделали. А что до баб этих из магазина, так если они там все нервные такие работают, так теперь что – и в магазины не заходи?

Порядком устав от болтовни, Юлий решил перейти к сути вопроса, тем более что причина гнева полковника лежала на поверхности.

– Если я вас правильно понял, родители этих клоунов не последние в городе люди?

– Дошло наконец. Не то слово не последние. И не только в городе. Особенно тот, которого ты лицом по асфальту елозил. Его отец крупный бизнесмен, председатель ассоциации предпринимателей и учредитель благотворительного фонда «Щит», одной из целей созда-

ния которого, кстати, является финансовая помощь сотрудникам правоохранительных органов. Плюс ко всему он еще мой близкий друг. Теперь ты видишь, в каком дерьме я по твоей милости оказался. И как мне теперь из него на чистую воду выгрести? Что делать?

Сам Лапов просил у Юлия совета. Это трогало. Пусть даже он знал, что просьба была пустопорожняя. Чихал Лапов на его советы. Он и без Юлия знал, как ему действовать. То, что обычно последние несколько лет делают высокие должностные лица правоохранительных органов, когда в деле замешаны другие влиятельные люди или их отпрыски. Делать вид, что ничего не было. Ни стрельбы из автомата, ни оружия. Просто ничего не было. А с прокуратурой договорятся. И с продавщицами.

Полковник словно читал его мысли.

– С прокуратурой уладим, – сказал он. – А магазинные девки пусть в жопу идут. Пусть только попробуют шум поднять. Тут другая проблема. Есть у нас один журналист шептун. Несколько пуль попало в его автомобиль, который был припаркован неподалеку. Уж он-то постарается шумиху поднять. И еще нашелся любитель, жаль, пока личность не установили, снял часть этого фейерверка на камеру мобильного и уже в Интернет успел сбросить. Я сам видел.

Юлий пожал плечами:

– Ну, тогда я не знаю, что делать.

– Не знает он, – передразнил Лапов, – прочь с глаз моих! И рапорт напиши, как все было. Хотя нет, отставить. Позже напишешь. Я сам скажу, как написать. А пока думать буду.

Думал он недолго, и в первой половине следующего дня Юлий снова вошел к нему в кабинет. Полковник сообщил, как Юлию «повезло». Оказывается, прошлой ночью при попытке ограбить загородную АЗС был задержан некий гастролер по фамилии Дрыль. С ним провели обстоятельную беседу, и он вспомнил, что буквально накануне в одиночку пытался ограбить магазин детских игрушек «Малыш и Карлсон». Даже Юлия вспомнил, как тот ему руки за спину заламывал.

– Я ему днем руки заламывал. А на АЗС он напал только следующей ночью, – уточнил Юлий.

У Лапова и на этот вопрос был готов ответ:

– Так он по дороге в СИЗО убежал. Представляешь? Кстати, членам опергруппы, которые его конвоировали, уже и по выговору влепили. Я и приказ видел. В общем, ты этими мелочами голову себе не забивай. Все предусмотрено. Не глупей тебя люди работают. Главное, чтобы ты этого Дрыля опознал, если кто тебя спросит.

Юлий представил, как ни в чем не повинных коллег вызывают в кадровую часть и предлагают ознакомиться под подпись с приказом о дисциплинарном взыскании, отвечая на их недоуменные вопросы коротким: «Так надо». И они подписывают. Возмущаются для порядка, но все равно подписывают.

Полковник положил на стол перед подчиненным фотографию мужчины от тридцати до тридцати пяти лет, с острым подбородком и узкими любопытными глазками на анемичном лице.

– Вот он, Дрыль. Запомнил?

– А пострадавшие его тоже опознают?

– Сказал же, не забивай себе этим голову. Опознают, никуда не денутся. А вообще твоя ирония здесь совершенно неуместна. Думай лучше, как извинения приносить будешь.

Вот оно что. Оказывается, Юлий еще должен расшаркаться и сделать книксен.

– Кому извинения?

– Студенту выпускного курса магистратуры юридической академии. Отличнику и очень хорошему парню. Крестнику моему. Александру Андреевичу Пасечнику. Вот кому.

Юлий почувствовал внезапный приступ тошноты, словно прикоснулся к чему-то мерзкому, холодному и скользкому. Мерзкому даже не потому, что очередные отморозки благодаря деньгам и родственным связям уходили от наказания – все это стало настолько привычным, что давно не вызывало даже рефлекторных содроганий души. И даже не потому, что один из них, упиваясь своей безнаказанностью, жаждал еще насладиться видом унижающегося сотрудника милиции, который просто исполнял свой долг. Тошноту вызывала сама фамилия Пасечник, фамилия человека, который, Юлий был уверен, приложил руку к тому, чтобы лишить его семьи и нормального детства...

Человека, из-за которого он когда-то хотел стать наемным убийцей.

* * *

Это произошло в преддверии новогодних праздников и, как ни покажется странным, тоже было связано с маскарадом. Тот день ему не забыть никогда. Юлию исполнилось пятнадцать. В атмосфере витали запахи хвои и мандаринов. По улицам сновали Деда Морозы.

Именно Дед Мороз был первым, кого он увидел, когда его отец, аккуратно миновав крутой, покрытый наледью поворот, вывернул на длинное прямое шоссе загородного элитного поселка. Мороз как Мороз, ничего особенного. Белая синтетическая борода. Под густыми черными бровями большие глаза человека, обещающего надежду на чудо. Красная шапка с белым отворотом. Длинная, до пят, шуба. Широкий уверенный шаг.

Юлий до сих пор ломал голову: что в нем было не так? Почему отец почувствовал опасность? А ведь почувствовал, потому что, крикнув сыну «ложись!», вдавил педаль газа, направляя авто прямо на Деда Мороза.

Приказ Юлий выполнил слишком медленно, поэтому прежде, чем упасть на сиденье, успел заметить, как тело Деда Мороза, ударившись о радиатор, взмыло вверх. Полы его красной шубы широко распахнулись, словно крылья стервятника, обнажая спрятанный автомат.

БМВ отца рвался вперед, но Дед Мороз, на поверку оказавшийся Бармалеем, явился не один, а с эскортом злобных гоблинов. По крышке багажника застучали пули, треснуло заднее стекло. Пули пробили колесо, и машину стало водить из стороны в сторону. Управление давалось отцу все труднее, но расстояние между ними и местом засады неуклонно увеличивалось.

Лежа боком на сиденье, Юлий смотрел, как отец борется с автомобилем. Его лоб был мокрый от пота, глаза сосредоточенно направлены только вперед. Как он любил его в тот момент! Да и не только в тот момент. Он всегда его любил. Восхищался им. Сколько Юлий себя помнил, они всегда были вместе. Отец всюду таскал сына с собой, стоило тому только попросить. Вместе ходили в тренажерный зал, в бассейн, вместе ездили стрелять по тарелкам. Он бывал с отцом и на деловых встречах, и ему совсем не было скучно. Юлий знал имена всех его любовниц, но у него даже в мыслях не было сообщить о них матери. Он не сделал бы этого даже под страхом самого жестокого из наказаний. Впрочем, вряд ли мать стала бы его слушать. Ей всегда было некогда, когда это касалось сына. Она всегда спешила. Даже когда валялась на диване перед телевизором с охапкой глянцевого журналов. Все равно ей было не до него.

Стрелять перестали. Юлий поднялся на сиденье. Как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, как впереди из-за киоска «Пресса» высунулась фигура человека с зеленой трубой на плече, конец которой был направлен в их сторону. Еще один гoblin. Отец, бросив руль, быстро нагнулся к сыну и с криком «прыгай!» с силой вытолкнул того из машины.

Из того, что случилось после, Юлий практически ничего не запомнил. Искореженный автомобиль, дым, разбросанные куски человеческой плоти, кровь на снегу, крики людей и его собственный беззвучный плач. Лица людей, склоненные над ним. Мало-мальски он при-

шел в себя, только когда шофер-охранник матери Геннадий, по прозвищу Че Гевара, вез его по загородному шоссе. Сильно болели нога и правый бок. На лице в нескольких местах был наклеен пластырь.

Юлий спросил Че Гевару, куда они едут.

– Поговори с Эвелиной Юрьевой.

Че Гевара протянул Юлию большую черную трубку сотового телефона.

– Как ты, сын? – услышал он голос матери. Как всегда, холодный и бесстрастный. Как всегда, то же обращение – «сын». Она никогда не звала его по имени. Только «сын». Как и он. Никогда не называл ее мамой. Он вообще никак ее не называл.

– Бывало и лучше, – неожиданно для себя повторил Юлий слова отца, всегда произносимые тем в кризисных ситуациях, и забился в рыданиях, потому что воспоминания об этом оказались невыносимы.

– Не скули, – строго приказала мать. – Поедешь в Феодосию к дяде Славе. Гена тебя отвезет. Я с тобой свяжусь.

И повесила трубку. Вот и весь разговор. Все утешение. Ему даже не дали возможности проститься с отцом.

– Ты на Эвелину Юрьевну не обижайся, – понимающе сказал Че Гевара спустя некоторое время. – Ей сейчас тоже не сладко. Ей за ваш семейный бизнес бороться надо. На тебя у нее просто нет времени.

У нее никогда не было на него времени. И не было ни малейшей надежды, что когда-нибудь оно появится.

Че Гевара, оставив Юлия в Крыму, на первых порах звонил. Может быть, по поручению матери, может, потому что в самом деле жалел парня. От него Юлий узнал, что на месте покушения обнаружили брошенный киллерами гранатомет «Нетто», хорватский пистолет-пулемет «Аграм» и кучу стреляных гильз. Оружие отследить не смогли. Че Гевара сказал, что начавшие с недавних пор входить в моду пистолеты-пулеметы этой марки производятся едва ли не в школьных мастерских и не имеют маркировки. Никакого заводского отстрела. Никакой пулегильзотеки. Сбитый отцом Дед Мороз либо выжил, либо его мертвое тело успели увезти товарищи. В любом случае других погибших, помимо отца, на месте покушения не обнаружили.

Понизив голос, Че Гевара сообщил, что буквально через неделю после покушения дюжина людей в черных масках взяла штурмом принадлежавший Тараскиным большой завод по производству ликеро-водочных изделий. Прикрываясь купленным решением суда, они взащей выгнали прежнее руководство, поменяли учредителей. Та же участь постигла и ресторан с гостиничным комплексом «Тарас». Новым хозяином бизнеса стал некто Андрей Германович Пасечник. Доселе неизвестный, но быстро идущий в гору коммерсант.

Юлий и раньше слышал эту фамилию от отца. Кажется, отец называл его пронирой, который спит и видит, как наложить лапу на их бизнес, но только напрасно старается: он, отец, пока жив, этого ни за что не допустит.

Вот именно, пока жив. Нельзя было произносить такие слова. Нельзя.

– Не вешай нос, юноша, – подбадривал Че Гевара. – Твоя мать разберется.

– Что она может сделать?

– Плохо ты ее знаешь. Еще как разберется.

Мать разобралась. Разобралась, что это за человек Пасечник. Разобралась, что сила не на ее стороне, продала недвижимость, перевела в офшор уцелевшие активы и сама укатила вслед за ними.

Юлий остался у двоюродного брата отца. Дядя Слава, до этого мальчик ни разу его не видел, оказался забавным толстяком – эпикурейцем, большим любителем еды, анекдотов и отъявленным матерщинником. Год назад отец помог ему построить небольшой пансионат

под Феодосией. Человеком дядя Слава оказался благодарным и принял Юлия как родного. У него было двое сыновей – жуликоватых парней, старше Юлия, которые тут же взяли шефство над своим троюродным братом. Шефство это было достаточно своеобразным – через год Юлий уже спокойно мог открыть стоявшую на сигнализации иномарку, а когда учился в выпускном классе, его два или три раза чуть было не повязали менты. Но обошлось.

Закончив школу, он связался с матерью, которая к тому времени жила в Швейцарии, и спросил ее, что делать дальше. Та посоветовала получить высшее образование, со вздохом сказав, что, так и быть, возьмет на себя связанные с учебой расходы. Ее слова звучали так, словно она откупалась от сына, чтобы он, не дай Бог, не прикатил к ней.

Юлий вернулся в родной город, где у него оставалась единственная не проданная матерью двухкомнатная хрущевка, полученная отцом под занавес Советского Союза, когда тот еще работал инженером в проектно-институте. Старый отцовский друг, знакомый Юлию еще с тех самых пор, когда отец брал его с собой на мероприятия, помог без проблем поступить на юридический факультет, а потом и устроиться в правоохранительные органы, благо юношеские проделки Юлия во время пребывания в Крыму в анкеты не попали.

Все эти годы, особенно поначалу, Юлий думал о том, сможет ли когда-то отомстить за смерть отца. Одно время он даже мечтал стать киллером, спокойным, хладнокровным, таким, как герой старого фильма «Механик», сыгранный Чарльзом Бронсоном (романтичный образ Леона-киллера ему нравился куда меньше). И все ради того, чтобы поквитаться с убийцами. Вот только что надо делать, чтобы стать этим самым киллером, Юлий не знал, а когда спросил об этом своих феодосийских братьев, те долго смеялись.

– Оно тебе надо? – успокоившись, спросил наконец старший, Гера.

– Надо. Хочу гада этого достать, который отца убил.

– И что, для этого обязательно становиться наемным убийцей? Козла замочить можно и без этого.

– Чтобы киллером стать, тебе надо сначала в армию идти. В контрактники, – подал голос и младший, Олег. – Если тебя не подстрелят где-нибудь в горячей точке, то лет через десять, глядишь, и станешь киллером.

– Какие еще горячие точки? – возразил Гера. – Украина ж ни с кем не воюет.

Олег сплюнул:

– Ну, тогда можно и в менты. Как Македонский. Он ведь тоже сначала цветным был.

– Какой еще Македонский? – не понял Юлий.

– Саша Солоник. Я слышал, замочили его недавно. В Греции.

– Вот-вот. Ударение на слове «замочили», – строго сказал старший. – Короче, забудь.

На том разговор и кончился. Не то чтобы Юлий обо всем забыл, просто стал рассуждать более трезво и прагматично.

* * *

И вот фамилия Пасечник снова появилась в его жизни. В первый раз она знаменовала собой трагедию в виде Деда Мороза с гранатометом, теперь представлялась фарсом в виде почтальона Печкина, вооруженного автоматом времен Второй мировой войны.

– Вопросы есть? – спросил шеф.

Глядя на полковника, Юлий вдруг поймал себя на мысли, что ненавидит его. Люто ненавидит. А тот факт, что почти три года он прослужил под его началом, показался ему бредом сивой кобылы. Пожалуй, он даже смог бы убить его, окажись у него такая возможность. Юлий представил, как достает пистолет, как медленно приставляет ствол к бритому черепу, как нажимает на курок: полковник падает, пенные брызги летят на стену, падают фотографии с охотничьими трофеями.

– Нет, – ответил он.

– Отлично.

Лапов достал из кармана пачку сотенных долларовых купюр, отчитал сколько-то и бросил на стол перед Юлием. Примерно так, как собаке бросают кость.

– Это тебе за понятливость. Подарок от зайчика. Но извиниться перед Сашей Пасечником тебе все равно придется. Так нужно. Я обещал.

Пересчитав деньги, их оказалось семьсот долларов, Юлий вежливо подвинул их обратно на половину Лапова.

– Бери-бери. Доля твоя. За Дрыля.

Не то чтобы Юлий хотел самому себе казаться лучше, чем он есть на самом деле. Он тоже брал. Как все. Не то чтобы часто. И не то чтобы помногу. Часто и много должность не позволяла. Но только не в этот раз.

– Когда я говорил «нет», то имел в виду, что не стану извиняться перед этим отморозом. И отмазывать его тоже не буду.

Полковник даже закашлялся от неожиданности, лицо его в считанные секунды покрылось красно-бурыми пятнами и стало напоминать по цвету петушиный гребень.

– Вот что, умник, – зловеще захрипел он. – Либо ты делаешь все, как я говорю, либо вылетаешь со службы на хер.

Огласив вердикт, Лапов впери́л взор в открытый экран ноутбука, давая понять, что посетитель ему больше не интересен, что он для него как бы умер, или даже не умер, а перестал существовать как объект бытия, дематериализовался в пространстве, испарился.

Ровно две секунды ушло на то, чтобы Юлий принял окончательное решение.

– Вылетаю на хер, – отрезал он, прежде чем повернуться и пойти к выходу.

Уже перешагивая через порог, он услышал окрик:

– Тарас!

Юлий оглянулся.

– Ты – пидорас! – смачно произнес Лапов. – Встанешь у меня на дороге – уничтожу.

Юлий закрыл за собой двери.

– Смотри, как бы самого не уничтож... – произнес он вслух, но тут же прикусил язык. Не из боязни, что секретарь передаст его слова Лапову, ему было уже все равно, а потому что считал, что пустые угрозы, а они именно такими и были ввиду того, насколько шеф УБОПа могущественнее него, без одной минуты безработного, лишний раз показывали его слабость. Человек сильный никогда не будет трубить на весь мир, что замочит своих врагов в сортире. Он просто это сделает. Молча и эффективно.

Юлий покинул приемную. Неудавшийся мажор. Неудавшийся киллер. И, по ходу, неудавшийся мент. Ему было противно. Противен Лапов с его напичканными баблом друзьями, противен Пасечник, завладевший бизнесом отца, и, что еще хуже, он был противен самому себе, потому что вдруг понял, что только память и не угасшая до сих пор любовь к отцу не позволили ему уступить требованиям начальства. Окажись вместо Пасечника какой-нибудь Титькин, тоже влиятельный человек, взял бы Юлий и баксы, и Дрыля бы опознал как миленький, и перед налетчиком извинился бы. Ему хотелось пуститься во все тяжкие. То ли напиться в лоскуты, то ли ввязаться в массовую драку, не разбирая ни своих, ни чужих, крушить направо и налево носы и челюсти, пока самому хорошо не заедут.

Вечером неожиданно позвонила мать. Поинтересовалась делами сына. Юлий не знал, что и думать. Его дела – последнее, что когда-либо занимало эту женщину. Впрочем, решил Юлий, если на нее с возрастом нахлынул приступ сентиментальности, то пусть послушает. Почему бы не пригрузить старушку на полную, рассказав о грядущих переменах в своей жизни.

Мать слушала с превеликим интересом, чем еще больше удивила его. Потом назвала сына «своим бедным малышом». Юлий не верил собственным ушам. Она выражала сочувствие и одновременно радовалась за сына. По ее мнению, ему давно пора было уйти из ментовки. Ее сын достоин большего. В одной швейцарской фирме, с руководством которой у нее очень хорошие отношения, скоро освобождается место менеджера. Она замолвит за Юлия слово. Пора наконец заняться настоящим делом.

Кошмары Тараскина

В детстве, лет с шести-семи, Юлию часто снился один и тот же кошмар. Будто бы он, совсем маленький, бежит по невысокому мосту без перил. Рядом бегут другие люди и что-то кричат. Слов разобрать невозможно, но он знает – люди кричат от страха. Ему тоже страшно, он тоже орет что-то неразборчивое, и его голос сливается с голосами бегущих. На пути лежит безголовое тело – из артерий хлещет кровь, пальцы скребут по земле. На тело никто не обращает внимания, никто не пытается помочь. Юлий перепрыгивает через него, как перепрыгивают через кочку или бревно, и бежит дальше. Черный густой дым поднимается к верхушкам деревьев. Это горит автобус. Его толкают в спину, и после жалких попыток сохранить равновесие он падает в реку. Подхваченное течением хрупкое тельце несется прочь от бегущих людей, чьи голоса вдруг становятся едва слышимыми. Холодная вода обжигает кожу, ноги сводит судорога. В тот самый миг, когда его голова уже готова скрыться под водой, чьи-то сильные руки вырывают его на поверхность навстречу яркому свету. Он снова бежит, холодно, мокрая одежда липнет к телу. Но он уже не один. Рядом с ним бежит еще кто-то. Этот кто-то держит Юлия за руку, а по его ногам с другой стороны бьется чемодан с наклейкой, с которой Юлию игриво подмигивает какая-то баба с потрескавшимся лицом. На этом месте Юлий обычно просыпался. Сон был таким насыщенным, а испытанные переживания такими нереально правдоподобными, что Юлий еще долго лежал, прислушиваясь к биению собственного сердца, то содрогаясь от приснившегося кошмара, то радуясь, что это было всего лишь сновидение.

Юлий никогда не рассказывал про сон отцу, справедливо полагая, что его тут же потащат по врачам. Врачей он не любил почище ночных кошмаров. В конце концов привык к сну настолько, что даже стал думать о нем не как о кошмаре, а просто как о своем, принадлежащем только ему, сне.

Еще ему часто виделся лес. Просто лес. Снилось, как шумят под ветром ветки громадных деревьев, как трещат под ногами сучья. Он ощущал даже лесные запахи – травы, листьев, сырости и мха.

О «своем» сне он рассказал постороннему человеку, только став взрослым. Когда Юлий еще числился в ОБЭП, ему поручили проверить факты, изложенные в заявлении против некой Ольги Викторовны Басенко, занимающейся частной практикой то ли психотерапевта, то ли психоаналитика, этого для себя он так до конца и не уяснил, как не уловил и разницы между этими двумя понятиями. Заявитель утверждал, что лечился у Басенко от алкоголизма, отдал немерено денег, а пить так и не завязал, и все потому, что эта дама на самом деле никакая не психоаналитик, а мошенница, обманывающая доверчивых пациентов, что и диплом у нее поддельный, и что она ссуду взяла в кредитном обществе под липовые документы, и что зарплату своим двум ассистентам выдает, что называется, «в конверте», без соответствующих отчислений в бюджет.

Ольга Викторовна оказалась приятной особой, высокой и стройной, с очень хорошими манерами. Короткие, выкрашенные в огненно-рыжий цвет волосы и умные, слегка раскосые глаза делали ее похожей на лисичку, хитрющую, но очень обаятельную. Она была старше Юлия на пять лет, но все равно ему сразу понравилась. Не последнюю роль в этом сыграло недополученное в детстве материнское внимание, отчего Юлия тянуло к женщинам чуть постарше.

Как бы там ни было, но заявление обиженного на Ольгу Викторовну пациента он отработал тят-ляп, ничего противозаконного в деятельности психоаналитика не установил. Тогда-то, во время их последней, как полагала Ольга Викторовна, беседы, Юлий и рассказал ей о своем сне.

Басенко слушала очень внимательно, поигрывая массивным серебряным брелоком, формами и размерами напоминающим спичечный коробок, на одной стороне которого был изображен полнощечкий ребенок с луком и крыльями за спиной, на другой – скелет, как Юлий позже узнал, Эрос и Танатос – символы современной психотерапии.

– Интересно, – сказала она. – И когда впервые это с вами произошло?

– Мне кажется, этот сон я вижу, сколько себя помню. Лет с шести.

Когда Басенко выразила удивление, заметив, что обычно люди помнят себя с гораздо более раннего возраста, Юлий ответил, что в детстве ему случалось терять память, после того как, попав с отцом в небольшую аварию, он сильно ударился головой.

Ольга Викторовна прочла целую лекцию, большая часть которой осталась для Юлия непонятной. Единственное, что он смог уяснить, – это то, что причины подобных снов продолжают оставаться неясными, тем более если им предшествовали ушибы головы и ретроградная амнезия.

– Как бы там ни было, сны никогда не изнуряют человеческую душу. Сны – это вечная молодость, несчастны те люди, которые не видят снов, – закончила она, как Юлий подозревал, цитатой из классика от психологии, после добавила, на этот раз от себя: – Не тревожьтесь. Все у вас хорошо.

– Да я и не тревожусь. Я знаю, что все хорошо.

– Что ж вы мне тогда голову морочите?

– Не хочу расставаться. Что вы делаете сегодня вечером?

После этих слов она в первый раз посмотрела на Юлия как на мужчину, а не как на сотрудника внутренних органов. Результат оценки оказался в его пользу.

– Не знаю, – улыбнулась она. – Но вы, я вижу, человек сообразительный. Что-нибудь придумаю, с вашей помощью.

Отношения, которые установились между ними, с полным на то основанием можно было бы назвать странными, но они устраивали обоих. Юлий и Ольга периодически встречались, могли даже жить попеременно друг у друга по несколько дней, чтобы потом надолго потерять друг друга из виду. Прошлым летом они провели две неплохие недели в Греции, и окружающие считали их супружеской парой во время медового месяца. А вернувшись довольными и загоревшими, разъехались по домам и потом в течение трех месяцев не то что не виделись, а даже не разговаривали друг с другом по телефону. Юлий догадывался, что у Ольги есть и другие мужчины, но не испытывал по этому поводу никаких комплексов. Потому что знал: возникни у него потребность увидеть Ольгу – стоит только позвонить, и она, бросив все дела, примчится к нему.

Именно такая потребность возникла после того, как Юлий оставил на столе начальника отдела по выявлению организованных преступных группировок Руслана Петровича Сыча рапорт об увольнении и милицееское удостоверение.

Потягивая коктейль «Превед, медвед» – жуткую огненную смесь черного рома, абсента, коньяка и самбуки, – Юлий рассказал подруге о происшествии возле «Малыша и Карлсона» и о том, что последовало потом. Как всегда, она слушала его очень внимательно и полностью одобрила его поступок:

– Достоинно. Мало кто отважится в наши дни пойти наперекор начальству. Да еще такому, как этот ваш Лапов. Правильно сделал, что на все забил. Не твое это. Я все собиралась тебе об этом сказать, но боялась, что ты неправильно меня поймешь. Не торопись, еще успеешь найти свое место в социуме.

Юлий отодвинул недопитый бокал:

– Какое колючее слово. Социум. Как в большом муравейнике. Не хочу колготиться в этом гребаном социуме. Хочу быть сам по себе. А еще я хочу тебя. Прямо сейчас. Поехали быстрее ко мне.

Ольга томно улыбнулась:

– Все, что пожелаешь, мой герой.

В эту ночь Юлию приснился сон. Совершенно новый, однако по яркости и насыщенности ничуть не уступающий сну, в котором он тонул в реке. Ему приснился полковник Лапов. Не такой, каким Юлий видел его в реальной жизни – в тщательно подогнанном мундире, когда спешил на коллегия к начальству, или в кожаном пиджаке, как во время их последней встречи. Во сне начальник словно сошел с портрета в кабинете: Лапов-охотник или Лапов-рыбак. В камуфляжного цвета ватнике, он, дымя сигаретой, копался в багажнике темного джипа, то ли доставал оттуда какие-то снасти, то ли наоборот – упаковывал. Это не было просто картинкой, наблюдаемой со стороны. Юлий тоже являлся действующим лицом сна. Невидимый, он находился позади теперь уже бывшего шефа и терпеливо ждал, пока тот обратит на него внимание. Лапов закрыл багажник, повернулся, заметил, что кто-то стоит за спиной, и махнул рукой с сигаретой, зажженный кончик которой воткнулся в тыльную сторону ладони Юлия. Боли он не почувствовал, сон ведь. Лапов, грозно нахмурившись, занес для удара руку. Юлий пригнулся. Кулак полковника, тяжелый как кувалда, просвистел над головой. Дальнейшие потуги ударить бывшего подчиненного не увенчались успехом. Полковник то выбрасывал прямые удары, то пытался достать его боковыми, но Юлий оставался невредимым. Даже когда в ход пошли ноги, обутые в ботинки с толстой рифленой подошвой, он без труда уклонялся от них. Вот бы ему так уметь в реальной жизни!

Вдруг в руке у Лапова появился большой слегка загнутый нож с широким лезвием. С глухим сопением он снова ринулся в атаку, а Юлий снова увернулся, потому что во сне его тело было чрезвычайно легким и проворным. Теперь и у него в руке появилось оружие – толстая, похожая на обрезок арматуры, железка. Лапов сделал еще один выпад, Юлий отбил нож и, в первый раз перейдя в контратаку, стукнул Лапова железкой по запястью. Полковник взревел, кость треснула, рука безвольно повисла, нож пропал в темноте. «Помоги...» – попытался выговорить Лапов, но Юлий, ловко поднырнув ему под левую руку, оказался сзади и со всего размаха треснул полковника арматурой по затылку.

Крик Лапова, еще не успев родиться, превратился в стон. Он упал на четвереньки. Юлий же принялся методично наносить ему сильные удары ногой по корпусу. Когда тело перестало дергаться, он взял арматуру в обе руки и с силой ударил противника по голове. Швырнул железку в сторону какого-то строения, похожего на огромную собачью будку, – последнее, что ему хорошо запомнилось.

Проснулся Юлий оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. Сел на кровати. Включил ночник. Осмотрелся. Рядом была Ольга.

– Ты брыкался под одеялом, – сонно произнесла она. – И кричал что-то.

– Извини, потревожил.

– Пустое. Опять в реке тонул?

– Если бы. Я Лапова завалил. Только что.

Она не поняла:

– Завалил? В смысле убил? Как? Когда?

– Да никогда! Во сне я его убил. Понимаешь?

Молча просидев какое-то время на кровати, пытаясь вникнуть в суть сказанного, Ольга встала и прошла в ванную комнату. Когда вернулась, на ее лице блестели капельки воды.

– Рассказывай, – попросила она, привычным жестом беря с прикроватной тумбочки свой любимый брелок.

Юлий рассказал. Все, что ему удалось запомнить.

– Давай рассуждать логически, – зевнув, предложила Ольга.

– Давай.

– Лапов тебе угрожал. Он сделал так, чтобы ты ушел с работы. Да?

– Да.

– Значит, он твой враг? Правильно?

– Ну, в общем правильно.

– Вот и прекрасно. Убить врага во сне всегда считалось признаком удачи и успеха в делах. А если этот враг к тому же твой начальник, то тут и психоаналитиком быть не надо, чтобы все это объяснить. У тебя прекрасная психика. Психика здорового и крепкого самца, который может за себя постоять. И ты еще кричишь, дурашка. Ты радоваться должен.

Юлий вздохнул. Ольге легко было говорить. А у него перед глазами до сих пор стоял призрак бьющегося в агонии начальника «шестерки». Ему казалось, он все еще чувствует, как ломаются под его ударами кости полковника, слышит их треск.

Если бы ему пришлось убивать Лапова в действительности, он никогда бы не допустил такого зверства. Как бы сильно его ни ненавидел. Он бы постарался сделать так, чтобы тот ничего не почувствовал.

– Да ты просто не знаешь, что я с Лаповым сделал, – сказал он. – Да я его... На нем живого места не осталось. И эта кровь. Я даже во сне слышал ее запах. Будто я на самом деле...

– Насколько же ты впечатлительный! Не забывай, что это просто сон. То есть отражение твоей психикой конфликта с начальством и сопряженных с ним переживаний. Впервые, как выше было сказано: месть шефу за увольнение. Правда, это только первый и самый примитивный уровень твоего сновидения. А на более глубинном, фундаментальном уровне это означает твою психологическую готовность окончательно порвать с бессознательным ментовским прошлым и начать честную жизнь простого гражданина. И запомни, согласно наблюдениям Фрейда проливать во сне чью-то кровь означает, что человеку уже давно пора взять инициативу в свои руки и не оглядываться на всяких там лаповых. Новая жизнь на пороге. Впусти ее. Понял?

– Все. Обязательно впусти, обещаю.

Часы показывали четыре. Они легли снова, но долго поспать не удалось. Около шести утра в дверь сначала позвонили, а после стали громко стучать.

Юлий прошел в прихожую, глянул в глазок. Вопреки оптимистическому прогнозу Ольги, на пороге стояла не новая жизнь, а очень даже старая в лице майора Сыча. Не зная Юлий Руслана Петровича, подумал бы, что Лапов, которому показалось мало просто выжить его с работы, задумал какую-то пакость. Сычу же Юлий верил, поэтому не раздумывая открыл дверь.

– Чем обязан столь неожиданному гостю в такую рань?

– Скажи спасибо своему мобильнику, – ответил майор.

– При чем здесь мой мобильник?

– Как это при чем, если он выключен?

Верно. Юлий специально вырубил телефон, чтобы бывшие коллеги не донимали расспросами и не мешали общаться с подругой. Но Сыч, при всем своем расположении к нему, вряд ли бы заявился в шесть утра только для того, чтобы из первых уст узнать о произошедшем конфликте.

– У тебя пять минут, чтобы умыться и одеться, – сказал Сыч. – У нас с тобой есть срочное дело.

– Я уволился, Руслан Петрович.

– Не поставив меня в известность? На тебя это не похоже.

– В последнее время вас часто не бывает на месте. Мой рапорт лежит у вас на письменном столе со вчерашнего дня. Только не говорите, что вы его не заметили.

Сыч дернул головой. И это движение-паразит выдало, что майор пребывал в состоянии крайней озабоченности. Это был крепкий человек сорока пяти лет, с неправильным, худым

лицом и сильным мускулистым телом. Правую сторону лба пересекал длинный шрам – след от удара коньком. В юности Руслан Петрович увлекался хоккеем, вот и заработал. Несколько лет назад, впервые увидев его, Юлий подумал о нем не как о представителе органов, а как о задержанном уголовнике, настолько к его физиономии подошел бы арестантский бушлат. И очень расстроился, узнав, что именно эта «грубая обезьяна», как он мысленно окрестил Руслана Петровича, будет его руководителем по меньшей мере в ближайшие несколько месяцев. Но очень скоро Юлий понял, что его первоначальное впечатление о Сыче было неверным. Для молодого оперативника Сыч стал не просто начальником, а старшим товарищем в прямом смысле этого слова, учителем, которому верят.

Майор протянул Юлию оставленное вместе с рапортом на столе удостоверение.

– Приказа о твоём увольнении ещё нет. Твой рапорт я придержал. Так что ты пока ещё сотрудник органов и мой подчиненный. У нас убийство.

Меньше всего в тот момент Юлию хотелось одеваться и куда-то идти. Тем более на дело об убийстве. Приснившегося Лапова ему было вполне достаточно. Но послать Сыча куда подальше он никак не мог. Оставалось только ворчать:

– Убийствами пусть убойный отдел УВД занимается. При чем здесь мы? Вечно чужие функции дублируем.

– Из того, что мне сообщили по телефону, там похоже на разбойное ограбление, но может случиться и так, что это как раз по нашей части. Жертва – весьма известный в городе и за его пределами предприниматель Андрей Пасечник. Надеюсь, слышал про такого?

Опираясь на стену, Юлий опустил на корточки. Вот это в самом деле новость. Пожалуй, ради этого стоило встать ни свет ни заря.

– Ничего себе!

– Вижу, слышал, – сказал Сыч, внимательно следивший за его реакцией.

– Ещё бы не слышал. С сыночком его недавно познакомился. Думаю, вы уже в курсе. Теперь вот новую работу искать придется. Так что нельзя сказать, что новость про смерть его папаша меня особенно расстраивает. Есть все-таки справедливость на свете, хотя порой она и проявляется в довольно ужасных формах. Как там в Святом Писании? Мне отмщение, и аз воздам.

– Прекрати, – грубо оборвал майор. – Ты не поп и не судья, чтобы решать, что справедливо, а что нет. Не расстроился он. А я вот расстроился. Потому что сам бы с удовольствием сейчас в постели валялся бы. Выходной день все-таки.

– А что же наш уважаемый шеф сам расследованием не руководит? Вас послал? Они ведь с Пасечником кентами были, водой не разольешь.

– О преступлении сообщил дежурный по городу. А Лапов еще с ночи на охоту уехал. С ним пытались связаться, но его телефон вне зоны доступа.

– Вот так. У человека кореша завалили, а он ни сном ни духом. Бегает себе по полям с ружьем. И это при том, что весной охота запрещена. Хотя о чем я говорю!

Сопровождаемый строгим взглядом Сыча, Юлий вернулся в комнату. Собираться.

– Ты разве не уволился? – удивилась Ольга, слышавшая большую часть разговора.

– Небольшой дембельский аккорд. Надо помочь товарищам. Сон-то в руку оказался. С одной лишь разницей, что убили не полковника, а его дружбана. Слушай, а может, ты меня к себе в штат возьмешь, буду твоим пациентам будущее предсказывать?

– Моя практика основывается на научных методах, а не на гадании на кофейной гуще. Все эти вещие сны – чушь собачья.

Из прихожей донесся недовольный окрик Сыча:

– Ну ты там долго чесаться будешь? Машина внизу ждет!

Юлий поцеловал Ольгу:

– Спи. Дверь захлопнешь. Я позвоню.

* * *

Семья Пасечников жила в частном секторе старой части города. Рядом с приоткрытыми темными воротами, такими огромными, что наводили на мысль о воротах в Мордор из «Властелина колец», стояло несколько авто эконом-класса, красная спортивная «хонда», длинный легковой «мерседес» с вмятиной на левом крыле и микроавтобус «Мерседес-Спринтер». «Мерседес» с вмятиной принадлежал заместителю районного прокурора. На «спринтере» обычно разъезжала опергруппа из убойного отдела УВД.

У ворот, изображая оцепление, топтался местный участковый с бледным, похожим на увядшую редьку лицом. Зеваки отсутствовали. Квартал был обжит преуспевшими в борьбе за место под солнцем людьми, которые предпочитали лишний раз не рекламировать свои лица перед представителями органов, а отсиживаться по домам, за высокими оградами, сложенными из гранитных камней, больше похожими на стены феодальных замков.

Миновав участкового, убоповцы прошли к воротам. С Сычом кроме Юлия были еще двое сотрудников: старший оперуполномоченный Николай Богомаз и Давид Качибадзе, самый молодой сотрудник отдела.

Почти посреди двора в десяти метрах от дома в луже крови лежал труп мужчины, возле которого хлопотали два криминалиста.

– Это и есть Пасечник? – недоверчиво произнес Руслан Петрович, покосившись на убитого. – Мне казалось, он старше. Чем это его?

– Это охранник особняка, – недовольно буркнул один из экспертов. – Ему перерезали горло.

– Орудие преступления нашли?

– Да. Охотничий нож. Был рядом с телом. Не топчите тут. Пройдите с той стороны.

Описав дугу, они прошли к дверям дома. Нельзя сказать, чтобы здание выглядело изящно. Двухэтажная кирпичная коробка, построенная, как казалось на первый взгляд, лет пятьдесят назад, но Юлий тем не менее понимал, возраст постройки только кажущийся. Должно быть, Пасечник хотел, чтобы его дом казался давно сложившимся семейным гнездом, а не богатым архитектурными излишествами новостроем.

На пороге их встретил начальник убойного отдела городского УВД майор Голобобов Виталий Борисович, человек непростой и завистливый. За это Сыч его не любил, но ценил за профессионализм и умение добиваться поставленной цели.

– Ну да, конечно, кто бы сомневался, гвардейцы Лапова пожаловали. Сколько мы не виделись и зачем мы встретились? Ну, теперь мы враз убийц отыщем.

Голос у Голобобова был резкий и громкий.

– Рассказывай, – взял быка за рога Сыч. – Только не ори так. Голова болит.

– Тут не рассказывать, тут показывать надо, – криво улыбнулся Голобобов. – Одного жмурика вы уже, думаю, видели, а теперь прошу.

Тело Андрея Пасечника полулежало в кресле возле классического мраморного камина с кованой решеткой. Одет он был по-домашнему – в штаны от брэндового спортивного костюма, черную футболку навыпуск и черные кожаные шлепанцы. Из изуродованного правого глаза торчала пластиковая ручка слесарного инструмента: отвертки или напильника. Группа Сыча пришла как раз вовремя – закончив внешний осмотр и фотографирование положения тела, эксперт принялся за извлечение орудия убийства.

– Отвертка, – объявил он. – Обычная плоская отвертка. Ее даже специально не затачивали.

– Вы хотите сказать, что убийца не планировал заранее использовать ее как оружие? – спросил Голобобов.

– Поиск ответов на подобные вопросы в мою компетенцию не входит. Пока я могу сказать только то, что удар был нанесен с большой силой, так что еще немного, в голову вошла бы не только рабочая часть инструмента, но и сама ручка. Подойдите и убедитесь сами.

Желающих подойти ближе не нашлось. Голобобов с досадой махнул рукой:

– Верю вам на слово.

Целая гамма чувств переполняла Юлия, когда он смотрел на жертву. Тут была и брезгливость, словно он столкнулся с чем-то очень мерзким. И досада оттого, что он сам не приложил руку к возмездию над виновником смерти отца. И наоборот, облегчение, потому что это случилось без его участия. И безмерная грусть при мысли, что мертвый Пасечник все равно не вернет ему любимого человека. Не в силах смотреть на труп, Юлий прошел в другой конец гостиной, где в больших стеклянных шкафах хранилась коллекция вещей времен Второй мировой войны. В большинстве своем это было оружие: несколько пистолетов разных систем, карабин, противотанковый гранатомет «Панцершрек», два автомата наподобие того, каким был вооружен Пасечник-младший в момент нападения на магазин игрушек, какие-то ножи и кортики, пряжки со свастикой и надписями на немецком «С нами Бог». Но настоящей гордостью коллекции без сомнения являлся стоящий отдельно на полу на треноге пулемет МГ.

– А с каких пор у нас разрешено хранить дома огнестрельное оружие? – сказал он не то самому себе, не то стоявшему тут же незнакомому коллеге из УВД.

– Вдова убитого сказала, что это просто копии. Они не стреляют, – ответили ему.

– Да ну? Меня совсем недавно из такой вот «копии» чуть в дуршлаг не превратили.

Сыч подозвал Юлия к себе:

– Куда ты убежал? Или хочешь, чтобы тебя персонально потом информацией снабжали?

Извинившись, Юлий подошел ближе к Голобобову, который продолжал рассказывать:

– Тревогу подняла старшая дочь Пасечника – Варвара. Она вернулась в четыре часа ночи из ночного клуба. Увидела, что ворота открыты, и принялась звать охранника. Никто, понятное дело, не откликнулся, девушка заподозрила неладное, сама домой заходить побоялась, а сразу позвонила в милицию. Дежурный наряд, приехавший по вызову, обнаружил трупы хозяина дома и охранника. А также тех, кому повезло уцелеть. Супруга покойного и сын были связаны, но живы. Сынка, правда, слегка помяли. Пару зубов выбили, нос расквасили. Он сейчас в больнице, вместе с матерью.

– А дочь? – спросил Сыч.

– Наверху в кабинете. Там с ней следователь и заместитель прокурора.

– Жаль, что сыночка нет. Вот кому бы я с удовольствием в глаза посмотрел, – проворчал Юлий. – Сейчас, небось, присмирел. Его бы в наркодиспансер свозить на экспертизу. А, Руслан Петрович? Я бы не удивился, если бы оказалось, что он, обожравшись «кислоты», сам отца и уколошил. А что, неплохая версия. Вы, кстати, уже установили, как преступник или преступники попали в дом?

Руслан Петрович очень недовольно посмотрел на подчиненного.

– Слышь, умник, вместо того, чтобы языком даром чесать, пройдишь по улице. Может быть, найдется кто-нибудь, страдающий от бессонницы, кто слышал, а еще лучше, видел чего-нибудь интересное.

– Бесполезно, – нахмурился Голобобов. – Мои люди уже все облазили. Им просто никто не открывает, а если и открывают, то только сторожа, заявляющие, что хозяев нет дома, а они сами ничего не видели, ничего не слышали. А насчет того, как убийца проник в дом, это он правильно вопрос ставит. Очень похоже, что в дом его просто впустили. Через ворота.

Криминалисты обнаружили свежие следы шин во дворе дома. Рисунок протектора не подходит ни одному из находящихся в гараже автомобилей. Вывод?

– Он подъехал к дому на машине, и охранник открыл ему ворота, – ответил Сыч. – То есть убийца был ему хорошо знаком.

– Согласен.

– Кстати, а почему мы говорим об убийце в единственном числе?

– И вдова, и сын покойного видели только одного человека. На нем была черная трикотажная маска. Он вошел в комнату к Пасечнику-младшему, стащил его с кровати, настучал по голове и связал. Потом отправился в спальню и занялся женщиной. Она проснулась окончательно уже с кляпом во рту. С женщиной, кстати, он обошелся относительно деликатно: обездвижил, обеззвучил, но более пальцем не тронул. В отличие от ее сына.

– Значит, убийца въехал во двор на машине, вышел, устранил охранника, вошел в дом и убил хозяина, после чего нейтрализовал остальных домашних. Я правильно понял?

– Как знать, – помотал головой Голобобов. – Охранника он мог убить самым последним.

– Почему ты так решил?

– Во-первых, охранник сам открыл убийце ворота. Во-вторых, в доме полно камер наружного наблюдения, однако записей на них не оказалось. Их уничтожили, стерли, что прямо свидетельствует о том, что у него в доме был сообщник. После того как все было закончено, убийца прикончил и его. Потом уехал, а ворота закрыть было уже некому. Может, для того, чтобы не оставлять в живых единственного свидетеля, а может, потому, что не хотел делиться награбленным.

– Значит, все-таки цель убийства – ограбление.

– Да шут его знает. Взяли только деньги, сумма, правда, очень приличная. Очень. По приблизительным данным, приближается к миллиону зеленых рублей. Плюс часть драгоценностей. Заметьте, часть. Ту, что попроще. Кольца всякие безликие, цепочки. А вот дорожную, старинную брошь редкости и работы необыкновенной оставили.

– То есть преступник брал только заурядные вещи, которые можно быстро реализовать, не рискуя засветиться?

– Верно. Но меня смущает не это. Если преступник пришел только грабить, зачем убивать хозяина? Не похоже, чтобы Пасечник сопротивлялся. Физически убийца – человек сильный и спокойно мог поступить с хозяином так, как поступил с его сыном. Оглушить и связать. Тем более что на нем была маска. С другой стороны, наемные киллеры так тоже себя не ведут.

– Киллеры бывают разные, – покачал головой Сыч.

– Поживем-увидим. Сейчас наверху следователь список вхожих в дом составляет. А также всех, кто его не любил, ненавидел, завидовал или мог завидовать. Как только список будет готов, запускаем людей по адресам. Отдельно проверим всех охранников и сторожей, включая того, кто монтировал камеры наблюдения. Работы хватит. Жаль, что с тобой только трое.

– Скоро еще подтянутся.

Юлий спрашивал себя, окажется ли он в этом составляемом списке. Даже если и так, его это беспокоило мало. Забавляло скорее.

– И все-таки я бы не сбрасывал со счетов его сыночка, – посоветовал он, после чего вышел на улицу, чтобы попытать счастья в доме напротив.

Двери в воротах, стоило ему позвонить, открылись почти сразу, но дальше дело не двинулось. Это был всего лишь сторож, заявивший, что хозяева в отъезде, а без них он никого из посторонних в дом не пропустит.

– У вас ведь установлены камеры наружного наблюдения?

– Ну, допустим.

– Мне нужно просмотреть ночную запись с той камеры, которая снимает дорогу перед воротами. Это очень важно. В доме напротив произошло двойное убийство.

Выразив сожаление, сторож твердо заявил, что записи предоставит только при предъявлении ордера или любого другого официального документа. Попытки Юлия надавить на него вызвали у последнего лишь снисходительную улыбку. Видимо, его хозяин был покруче покойного Пасечника.

Юлий, однако, продолжал настаивать. В самый разгар препирательств за воротами послышался слышал властный, принадлежащий третьему лицу голос:

– Черт бы тебя побрал, Костя, сказал же не открывать никому!

Костя исчез, уступив место высокому человек с усами.

– Вы хозяин? – на всякий случай уточнил Юлий.

– Хозяин уехал. Я начальник охраны. До свидания.

Искорки в глазах усача показались Юлию знакомыми, но он никак не мог вспомнить, где мог видеть этого человека. И только тогда, когда дверь вот должна была захлопнуться, его осенило:

– Геннадий? Че Гевара, вы? Я Юлий... Юлий Тараскин. Помните меня?

Глаза бывшего служащего отца стали круглыми от удивления:

– Мать моя женщина, Юлик!

Двери тут же распахнулись настежь, пропуская Юлия внутрь. Уже через несколько минут он сидел в кабинете Че Гевары и вместе с ним просматривал сделанные ночью записи.

– Есть, – сказал Че Гевара, показывая пальцем на экран монитора, на котором был четко виден остановившийся перед воротами особняка Пасечника темный джип. Ворота почти сразу отворились, и джип въехал на территорию. Время записи соответствовало двум часам пятнадцати минутам ночи. Следующие двадцать минут ничего не происходило, потом ворота открылись снова и джип, газанув, резко вписался в улочку и исчез из поля зрения объектива. Ворота так и остались незапертыми.

Че Гевара по просьбе Юлия прокрутил запись еще несколько раз, но разобрать номер джипа не удалось.

– Шеф распорядился поставить цветные видеокамеры, чтобы не хуже, чем у соседей, – пояснил он. – Спору нет, вещь хорошая, вот только ночью они не так эффективны, как черно-белые. Картинку дают размытую. Надеюсь, ты понимаешь, что не сможешь использовать все это официально?

Юлий не ответил, думая о том, что джип, увиденный им на мониторе, сильно напоминает джип «Тойота-Прадо», на котором ездит полковник Лапов.

– Ты понял, что я тебе сказал? Эй! Ты о чем думаешь? – привлек его внимание Че Гевара.

– Да, конечно, я все понял, – рассеяно ответил Юлий.

Че Гевара хлопнул его по плечу:

– Да не пыжься ты так. Ну, убили, и хрен с ним. Знаешь небось, что это был за человек, Андрей Пасечник. Слухи ходили, что он был причастен к...

– Я в курсе.

– Ну вот. Лучше скажи, сам-то как? Как Эвелина Юрьевна? Цветет, как и раньше?

Юлию не очень хотелось ни разговаривать с Че Геварой о матери, ни пускаться в воспоминания о смерти отца, но тут, к счастью, зазвонил мобильный.

– Мне надо бежать, – сказал он, сбросив звонок. – Шеф уже ищет. Спасибо вам.

– Да пожалуйста. Рад был помочь. Ты, это, заходи, как освободишься, коньячку выпьем, поболтаем.

Руслан Петрович стоял перед воротами. Рядом находились еще несколько подтянувшихся коллег из «шестерки».

– Вы больше не звонили Ивану Семеновичу? – поинтересовался Юлий. – Он все еще на охоте?

– Соскучился?

– Нет. Просто подумал, а вдруг я уже уволен? Чего ради тогда спину гнуть?

– Без рапорта не уволит, – заверил Сыч, протягивая вырванный из записной книжки листик. – Тут название фирмы, которая предоставляла Пасечнику услуги по охране. Они же устанавливали камеры наблюдения. Отработаете эту богадельню.

– С Богомазом или с Качибадзе?

– Один. Богомаз с Качибадзе пока «Малышом и Карлсоном» займутся.

– Зачем?

– Кто знает, что там за хозяева. Может, в самом деле кто-то крутой. Узнали, что налетчиков отпустили домой, и решили отомстить сами.

– Крутые братки не торгуют игрушками. И потом, становится непонятным, почему не убили Пасечника-младшего.

– Мсть бывает разной. Может, они специально расправились с отцом, чтобы лишить их обидчика реальной опоры в жизни.

– Согласен. В качестве одной из версий «Малыш и Карлсон» очень даже ничего. Но у меня есть версия получше. Вы не знаете точное время, когда Лапов выехал из дома?

– Не знаю. Но я как-то слышал, что обычно он выезжает где-то около двух ночи. Охотиться начинают рано. Пока доберется, то да се. А тебе-то что?

Юлий рассказал про только что просмотренную запись, уточнив, что хорошо разобрал марку авто – джип «Тойота-Прадо». Точно на таком ездит приятель убитого – их шеф Лапов.

Сыч сразу забулькал, словно электрочайник:

– Ты что этим хочешь сказать, Тарас? Ты на что намекаешь?!

– Ни на что. Просто обращаю внимание на ряд совпадений: автомобиль, это раз. Пасечник и Лапов – друзья, охрана его очень хорошо знает, поэтому всегда готова распахнуть ворота. Это два. Лапов выехал из дому около двух часов ночи, а Пасечника, по предварительному заключению эксперта, убили в половину третьего. Чтобы доехать от дома Лапова до дома Пасечника по не загруженным транспортом ночным улицам, нужно от силы пятнадцать, ну двадцать минут. Это три.

– Пошел вон. Четыре, – закончил дискуссию Сыч.

Ни слова больше не говоря, Юлий отправился по адресу охранной фирмы. Обид на Сыча не было. Юлий знал: что бы ни говорил ему Руслан Петрович, информацию он услышал и принял к сведению.

А вообще было бы здорово, если бы два его недруга действительно что-то не поделили и Лапов убил своего приятеля. А он, Юлий, раскрыл бы это преступление. Вот это была бы его настоящая мсть полковнику. Не то что во сне.

Пахал он весь день. Разыскивал, беседовал, уточнял, проверял. Зацепок – ноль. Охранная фирма «Витязь» имела хорошую репутацию и очень ею дорожила. Специалисты были дельные, в прошлом имеющие отношение либо к армии, либо к правоохранительным органам. Периодически Юлий связывался с Качибадзе и Богомазом. У них тоже было пусто. Хозяева «Малыша и Карлсона» – семейная пара, которой едва удавалось держать на плаву свой бизнес, не говоря о том, чтобы подсылать к недругам наемных убийц.

На протяжении дня Тараскин два раза звонил Сычу. Якобы для того, чтобы отчитаться о проведенной работе. На деле ему хотелось знать, не выходил ли на связь Лапов. По тону, каким Сыч посылал его подальше, понимал: полковник не объявлялся.

И все-таки чем больше Юлий думал над этим, тем больше убеждался, что его гипотеза о виновности полковника была верхом глупости. Даже если у полковника терки с Пасечником, а сына его от суда спасал лишь для отвода глаз, все равно – никогда такой хитрый и осторожный фрукт, как Лапов, не стал бы убивать собственноручно.

И все же заезжавшая во двор Пасечнику машина никак не выходила из его головы. А может, за рулем джипа Лапова сидел и не шеф вовсе? А кто-то другой? Если так, то где же тогда был сам Лапов?

Он вспомнил свой сон. Такой яркий, насыщенный деталями. А что, если Лапова и вправду... того?

В который раз Юлий набрал Сыча. Было бы не удивительно, если бы тот сбросил вызов. Но Сыч ответил.

– Руслан Петрович, ведь жену и сына Пасечника уже допрашивали?

– Сам-то как думаешь?

– И что они говорят по поводу того, что Пасечник не спал? Кого он ждал? Может быть, Лапова?

– Ты опять за свое? Я тебе какое поручение давал?

– Заниматься охранной фирмой «Витязь».

– Вот и занимайся. А склеивать в кучу кусочки мозаики будем позже, когда проверим все факты. Работай.

Сыч отключился. Ориентируясь на дрожащие интонации в его голосе, Юлий понимал – Руслан Петрович очень встревожен. А ведь он еще не знал про его сон.

Чертов сон никак не давал покоя. Поэтому, закончив с «Витязем», Тараскин направился напрямик к дому Лапова. Если его и убили, то сделать это могли только там, когда полковник вышел из дома и собирался сесть в машину. Было два часа ночи. Все спали. Гуляющих полуночников не было – несмотря на то что уже шел апрель, ночная температура опускалась едва ли не до нуля. Никто ничего не заметил.

Такси довезло Юлия до места. Шестнадцатиэтажное монолитно-кирпичное здание с квартирами улучшенной планировки выглядело среди окружающих его панельных хрущоб как манхэттенский Эмпайр-Стейт-Билдинг.

Осмотревшись, наискосок от дома по направлению к детской площадке Юлий обнаружил заставленный автомобилями паркинг. Возможно, именно здесь стояла машина полковника. Асфальт вокруг припаркованных машин был чистым. Тогда Юлий, присев на корточки, принялся заглядывать под днища.

– Тебе чего, парень? Потерял что? – спросил его бородатый мужчина в красном свитере.

– Можно и так сказать. Твой драндулет? – спросил Юлий, указывая на серый «Опель-Омега».

– Ну.

– Гну. Переставь машину на другое место.

– Зачем?

Юлий раскрыл удостоверение:

– Свали, прошу.

Мужчина пожал плечами и, сказав, что все равно собирается уезжать, забрался в тачку и уехал. Там, где стоял «опель», на асфальте обнаружилось жирное красно-коричневое пятно. Все это очень было похоже на кровь, но, если Лапову и вправду проломили череп, крови должно было быть больше. Хотя стоп. Что это?

Юлий заметил трещину в асфальте. Кровь, какая-то ее часть, вполне могла уйти через эту трещину и впитаться в грунт.

Что и требовалось доказать.

* * *

Когда Юлий говорил Ольге, что теперь может предсказывать будущее по снам, то думал, что шутит, однако все это оказалось слишком похожим на правду. Словно в тумане, он шел по тротуару в сторону своего дома. Он не знал, правильно ли делает, решив не ставить в известность коллег, сам будучи уверенным почти на все сто – Лапова уже нет в живых. И дело было не только в крови на асфальте. Неподалеку от дома полковника Юлий нашел тот самый металлический обрезок арматуры, которым во сне ударил полковника по затылку. Покрытая бурыми пятнами засохшей крови железка лежала в прошлогодней желтой траве в полутора метрах от деревянного домика, какие обычно ставят на детских площадках. Там, куда он зашвырнул его, правда, во сне Юлию казалось, что это большая собачья конура.

Арматурный обрезок он оставил на том же самом месте. Не рассказывать же Сычу про сон. Не поверит. А если допустить, что поверит, то тогда обязательно спросит, куда Юлий девал мертвое тело. Ведь во сне убивал именно он.

Юлий шел домой, не разбирая дороги. Задевая локтями прохожих, шипящих ему вслед ругательства. Ему было все равно. Он думал о том, что реально могло произойти прошлой ночью.

Ольга когда-то рассказывала ему о лунатиках – людях, страдающих сомнамбулизмом. От этой болезни страдают более двух процентов взрослых людей. Она так утверждала. Даже зафиксированы случаи, когда лунатики не просто вставали и ходили, а заводили автомобиль и ездили на нем, после чего как ни чем не бывало возвращались в постель и продолжали спать.

А что, если и Тараскин лунатик? Заснули они с Ольгой приблизительно около часа ночи. Во сне он поднялся, незамеченным покинул квартиру и прошел несколько кварталов до дома Лапова. Возможно, он не собирался никого убивать, но, наткнувшись на недруга, укладывающего в багажник машины снаряжение для охоты, вооружился попавшимся под руку металлическим прутом и напал. После, вернувшись как ни в чем ни бывало домой, часть пережитого за ночь увидел во сне.

Однако если его причастность к убийству Лапова чисто теоретически можно было допустить, то к смерти Пасечника он точно не имеет никакого отношения. Хотя бы потому, что еще несколько часов назад просто-напросто не знал, где тот живет. А ведь эти два преступления, Юлий был в этом убежден, необходимо было рассматривать в связке.

Прогулка на весеннем воздухе успокаивала. Мысли становились четче, уравновешеннее. Итак, кровь. Первый довод в его пользу. Убей он полковника, он бы непременно в ней перепачкался. Крови на нем не было. Второй довод – его одежда. Утром он обнаружил ее в тех же местах спальни, где разбросал накануне, и в том же самом положении. Юлий хорошо это помнил. Ну не в трусах же он рассекал по ночному холодному городу. И наконец, самое главное – труп и машина. Где они?

Нет, Лапова он не убивал. А сон? А сон – это вообще из области иррационального, и при расследовании он может только мешать. Значит, до поры до времени его надо просто выбросить из головы. Найденный кусок арматуры – обычная железка с бурыми пятнами, а никакая не улика. Уликой она станет только при наличии трупа. А пока, как говорится, нет тела – нет дела. Может, Лапов уже сидит дома и хлещет коньяк за помин души своего приятеля, а Юлий напридумывал себе черт знает что?

Юлий свернул в узкий, образованный домами проход. Вошел в свой двор и остановился как вкопанный – темно-синий джип полковника «Тойота-Прадо» с хорошо знакомыми «блатными» номерными знаками «7007» стоял в двадцати метрах от его подъезда. Сюрприз!

Описав полукруг, Юлий зашел со стороны лобового стекла. Внутри никого не было. Колеса относительно чистые. Не похоже, что они сегодня ездили по грунтовым дорогам среди полей и лесов. Не исключено: Лапов наплел супруге про охоту, а сам завис у другой женщины. А что? Ходок он известный. С другой стороны, никогда ранее Тараскин не замечал здесь его автомобиля. Перебрал в памяти всех знакомых соседок, вероятных кандидатов в любовницы Лапова. Никаких идей не было. Юлий подошел совсем близко. Стекло со стороны водителя было чуть приспущено. Он обошел машину. На заднем бампере имелись пятна, сродни тем, что были на обрезке металла. Если это кровь, то попасть в это место она могла, когда труп засовывали в багажник. Но как автомобиль нарисовался здесь?

У Юлия имелось только одно объяснение – это была подстава. Несколько секунд было потрачено на борьбу с искушением взломать дверцу и отогнать джип куда подальше. Возможно, Юлию удастся его завести. Опыт, какой-никакой, у него был. Вот только так может быть только хуже. Если это и вправду подстава, то сейчас могут раздаться звуки милицейских сирен, спешащих по его душу.

Достав сигарету, Юлий немного подождал. Пять минут, десять. Ничего не происходило. Тогда он решил позвонить матери.

– У тебя есть на примете хороший адвокат по уголовным делам?

– Один из самых лучших, – ответила она. – А что?

– Пасечника убили. Помнишь такого? И моего бывшего начальника. Меня могут заподозрить. Во-первых, есть мотив, во-вторых, тело последнего парится в багажнике автомобиля, прямо под моим домом.

Раньше он никогда не замечал у матери столь радостного возбуждения.

– А он точно мертв? Ты уверен? – уточнила она с некоторым беспокойством.

Юлий вздохнул: как всегда, судьба сына волновала ее куда меньше, чем появившаяся призрачная возможность вернуть отнятый Пасечником бизнес.

– Мертвое не бывает. Сегодня рано утром я выезжал на место преступления и видел его труп своими глазами.

– Рано утром! И ты звонишь мне только теперь!

– Твоего сына могут заподозрить в убийстве, или ты меня не услышала?

– Ну почему, услышала. Правда, мне не совсем понятно, почему это тебя напрягает. По-моему, все складывается удачно.

Ох уж эта женская логика!

– Ничего себе удачно. Повторяю: труп полковника Лапова, с которым совсем недавно я сильно поссорился, под окнами моей квартиры.

– Зато теперь тебе не придется бросать службу.

О Боже! Похоже, она просто не в состоянии понять, что, если против него откроют дело, его службе в органах – конец.

– Недавно ты утверждала обратное.

– Утверждала. Но раз теперь ты участвуешь в расследовании убийства Пасечника, думаю, тебе лучше остаться на службе. Ненадолго. Сможешь и дальше снабжать меня информацией.

– Ты не понимаешь: если меня заподозрят, то ни к какому расследованию не допустят. Мать подумала.

– В самом деле. Это мне как-то в голову не пришло. Ладно, действуем по первоначальному плану. Забывай на службу и приезжай ко мне.

– Что мне с шефом делать?

– Ничего не делать, – сердито ответила она. – Как стемнеет, отгонишь машину в другое место, и все. Почему я должна объяснять тебе элементарные вещи?

Отогнуть машину? Ну уж нет. Если он вляпается, потом точно не отмажется. Юлий набрал Сыча. В той ситуации это было самое оптимальное.

– Возле моего дома припаркован автомобиль Ивана Семеновича, – сообщил он майору. На том конце раздался явный выдох облегчения.

– Фу, а я уж в самом деле переживать начал. И что там полковник?

– Откуда я знаю? Я говорю только про его машину.

Облегчение снова сменилось напряжением, напряжение настороженностью.

– Да. И почему ты решил позвонить мне?

– Потому что никогда раньше его автомобиля я тут не видел. Потому что его задний бампер выпачкан чем-то, что напоминает кровь. Конечно, если вы мне скажете, что минуту назад разговаривали с шефом по телефону, то мне не останется ничего другого как извиниться за причиненное беспокойство.

– Не скажу. И давно машина там стоит?

– Не могу знать. Лично я наблюдаю ее минут пятнадцать-двадцать.

– А почему сразу не позвонил?

– Да? А вдруг Иван Семенович завел себе любовницу в моем доме? А кровь осталась от зверя, которого он завалил на охоте?

– Его не было на охоте, – прохрипел Сыч. – Это уже установлено. Мне удалось связаться с приятелем шефа – Юрцышиным, первым заместителем мэра. Он тоже охотник. Юрцышин сказал, что в назначенный час Лапов не явился. На телефонные звонки не отвечал. Жди, я скоро буду.

Сыч приехал вместе с Богомазом и еще одним незнакомым молодым человеком, даже не взяв на себя труд представить его Юлию. У незнакомца был ноутбук без сумки, который он держал просто так под мышкой.

– Шеф так и не появился? – спросил майор и, услышав отрицательный ответ, кивнул спутнику: – Приступай.

Присев на корточки перед джипом, парень открыл ноутбук.

– Готово, – через несколько секунд сказал он.

– Так быстро? – удивился Сыч.

Парень пожал плечами и быстро и незаметно исчез. Как растаял.

Сначала убоповцы проверили салон, после заглянули в багажник. Чуда не случилось: перед ними предстало скрюченное в позе зародыша тело полковника. Одет Лапов был как положено охотнику. Именно так, как был одет во сне Юлия. Только теперь защитный камуфляж был перепачкан грязью и кровью.

– Мать его ети! – побелев, прошептал Богомаз. – Слушай, а это точно он?

Вопрос был не праздный. Лицо трупа представляло собой сплошное сине-красное месиво.

– А что, есть другие кандидатуры?

– Тарас, вызывай опергруппу, – приказал Сыч. – Только предупреди, чтобы не болтали лишнего. А то посмотреть на мертвого начальника УБОПа полгорода соберется.

Предостережение не помогло. В помощь опергруппе пришлось вызывать отряд омоновцев, чтобы отгонять слетевшихся на свежую кровь представителей прессы. Но журналисты – еще полбеда, если бы в дополнение к ним, в самый разгар этого праздника жизни или, вернее будет сказать, смерти не появился еще один персонаж. Одетый в дорогое кашемировое пальто, стройный, хотя и с несколько одутловатым лицом, в котором присутствовало нечто азиатское, с цепкими самоуверенными глазами. Уже упомянутый Юрцышин Вадим Мирославович. Первый заместитель мэра города. Еще один близкий друг Лапова. Да и Пасечника тоже. Как-никак именно Пасечник финансировал прошлогоднюю предвыбор-

ную кампанию в высший законодательный орган страны. Юрцышин, правда, пролетел как фанера, но так уж карта легла.

Преодолев, пользуясь своим статусом, оцепление, подав для пожатия ладошку попавшемуся на пути Николаю Богомазу, с остальными здороваться не стал и за очень короткий промежуток времени развил такую деятельность, что очень многие успели весьма быстро пожалеть, что убили только двоих из троих близких друзей. Без конца задающий вопросы, делающий, не дожидаясь ответов, выводы и раздающий ценные указания, Юрцышин и сам не представлял себе, насколько он был лишним. Исполняющей обязанности прокурора города Людмиле Даниловне Солнцевой стоило немалых трудов сдерживать его порывы.

Судмедэксперт констатировал переломы почти всех ребер, кисти правой руки, нижней челюсти, носа и, главное, несовместимую с жизнью травму затылочной части черепа. Точнее пообещал сказать после вскрытия. При трупе не обнаружили ни денег, ни документов. Охотничье ружье и патроны лежали на месте. Зато на пояском ремне висели пустые ножны. Сам нож отсутствовал.

– Переломы! Гематомы! – визгливо выкрикивал Юрцышин, потрясая кулаками. – Его словно собаки рвали. Надо же быть таким отмороженным уродом! Ничего, я этого так не оставлю! Я хочу, чтобы мне немедленно составили список всех, кто отвечает за охрану правопорядка в этом районе. Этих раздолбаев надо немедленно сместить с должностей. И я лично прослежу, чтобы в моем городе они не смогли никуда устроиться. Только ассенизаторами! Надо же так, чтобы сразу двух хороших людей, за одну ночь! Подонки!

Лицо Юрцышина было красным, как железная печка. От него пахло водкой и дорогим парфюмом.

– Надеюсь, протокол не я буду составлять, – проворчал Сыч себе под нос.

– Что ты сказал?!

– Я говорю, мне убийц искать надо.

– А я о чем! Ищи! Ищи! Надо немедленно прочесать весь район. Потрясти все злчные места и притоны. Всех подозрительных задержать. Уверен, если сделаем это быстро и грамотно, уже через пару часов мерзавцы будут в наших руках.

Солнцева заметила, что полковника убили более пятнадцати часов назад, но Юрцышин ее не услышал, всем своим видом показывая, что сам готов немедленно возглавить поиски негодяев, с правом немедленного линчевания любого, кто вызовет у него хоть малейшее подозрение.

– Хорошо, Вадим Мирославович, организуем, – кивнула Людмила Даниловна, лишь бы не спорить.

Сыч наклонился к ней и почти прошептал на ухо:

– Кажется, я знаю, как было организовано убийство.

Но у Юрцышина оказался очень хороший слух.

– Объясните, – потребовал он. – Я хочу это слышать.

Никакого права находиться на месте преступления у Юрцышина не было. Все, что здесь происходило, подпадало под тайну следствия. Но это только с юридической точки зрения. Де-факто же Вадим Мирославович входил в первую пятерку самых влиятельных людей города, с которыми лучше не спорить.

Руслан Петрович посмотрел на Солнцеву. Та чуть заметно кивнула.

– Ивана Семеновича убили не здесь, – начал майор. – Уверен, это случилось возле его дома. Преступник знал его привычки. Знал, что Иван Семенович отправляется на охоту. Подкараулил и напал. Лапов пытался отбиться. Для этой цели он, возможно, использовал свой нож. Убийца ударил Лапова по руке чем-то тяжелым и сломал кисть. Этим же орудием разбил ему затылок. Спрятав труп в багажник, он на этом же автомобиле отправился домой к Андрею Германовичу Пасечнику, который, несмотря на поздний час, не спал, потому что

ждал Лапова. Охранник Пасечника был предупрежден о визите, поэтому, увидев знакомый автомобиль, открыл ворота. Тот же самый человек, который убил Ивана Семеновича, теперь расправился с его другом. Рисунок протекторов колес автомобиля Лапова совпадает со следами шин, обнаруженными у дома Пасечника. Майор Голобобов сегодня утром предположил, что убийца и охранник могли находиться в сговоре. Полагаю, что эта версия ошибочна. Убийца физически очень сильный человек и мог просто запугать охранника, чтобы тот указал ему месторасположение пульта управления камерами наблюдения, прежде чем убить его самого отобранным у Лапова ножом.

– Почему он бросил машину именно здесь? – поинтересовалась Солнцева.

– Мы выясняем это, – ответил Сыч, покосившись на Тараскина.

– Выясняйте. Про все новые детали немедленно докладывайте.

Подъехали еще две машины. Начальства стало больше. Солнцева с Юрцышиным оставили Сыча и Юлия одних.

Осмотревшись, нет ли рядом посторонних ушей, Сыч сказал:

– Поздравляю. Ты был прав утром, когда связал два убийства вместе. Так держать.

Юлия совсем не удивило то, что Сыч начал его подозревать. Удивило, что он решил, что Юлий попадется на столь незатейливую уловку.

– Ну зачем вы так, Руслан Петрович? Какие еще к черту два убийства? Я лишь предположил, что во двор к Пасечнику заезжал кто-то знакомый, потому что охранник открыл ворота. И все. О том, что Лапов убит, мы с вами узнали вместе.

Лапов внимательно посмотрел на Тараскина. Скривил лицо, хотя и без этого мог напугать кого угодно.

– Ладно, не злись. Дело в том, что сегодня днем, когда составляли списки всех тех, кто мог желать Пасечнику смерти, я кое-что выяснил. Он и твой покойный отец были конкурентами по бизнесу. Пасечник проходил свидетелем по делу об убийстве Тараскина-старшего. Доказать его причастность не удалось.

– Еще бы не удалось. С такими кентами, как Лапов. Они любые доказательства по ветру развеют.

– Ну, знаешь. Служить под началом Лапова тебя никто за уши не тянул.

– Я под вашим началом служил. А то, что Пасечник – друг полковника, узнал только вчера. Причем от самого полковника. Я в высшие сферы никогда не совался. Кто кому и кем приходится. И не об этом сейчас речь.

– Верно, не об этом. А о том, что у тебя есть мотив валить как одного, так и другого. И Пасечника, и Лапова.

– До кучи и третьего не забудьте. Щенка Пасечника. Уж его я бы точно в живых не оставил. Загасил бы вместе с батей. А что? Где два жмура, там и третий.

– Да уж, серьезный довод в твою пользу, – с грустной иронией вздохнул Сыч.

– Спасибо. Вот еще один. Неужели вы считаете, что я, совершив двойное убийство, спокойно оставил бы машину с трупом рядом с моим домом?

– А почему она тогда здесь стоит?

– Очень хочется надеяться, что это просто совпадение. Что ее просто бросили, и все. А вот если нет, то все это очень похоже на подставу. Правда, какую-то неуклюжую. Кстати, мы, когда утром уезжали, джипа вроде не видели?

– Я думал над этим. Даже если бы он был, мы не могли его видеть. Там желтый бусик стоял с левой стороны и весь обзор нам загораживал. ... Ладно, проехали пока. Лично я далек от того, чтобы тебя подозревать. Но делом этим ты все равно заниматься не будешь. Только не вздумай обижаться. Есть в этом и положительные стороны. Ты сейчас отдыхать пойдешь, а мы с пацанами домой к Лапову поедem.

Какие уж тут обиды. Сыч и представить себе не мог, насколько его мысли оказались созвучны желаниям самого Юлия. Хватит. Надоело. Он больше не хотел.

– Успеха. А я, наверное, вообще ничего больше расследовать не буду. Вы, это... дайте ход моему рапорту.

Сыч внимательно на него посмотрел. Понял, что это не каприз и не истерика. Это серьезно. Махнул рукой:

– Ну, твое право. Завтра еще раз обсудим. Рапорт по-любому переписывать придется. Руководить конторой теперь другой человек будет. И дела тебе надо сдать.

Юлий пошел к подъезду. Так и в самом деле лучше. Майор опять его окликнул:

– Забыл уточнить. Кажется, когда я к тебе утром заходил, у тебя дома какая-то девушка была?

– Ну, была.

– Надеюсь, всю ночь?

– Ага.

– И она, если что, сможет подтвердить, что ты ночью был дома?

– Сможет.

– Хорошо. Теперь я за тебя спокоен.

И ты, Брут...

Понедельник выдался довольно хлопотным. Юлий рассчитался со службы, два раза встречался со следователем и один раз с Солнцевой. Тема – его конфликт с шефом.

Во время бесед он дал полноценные письменные показания о попытке Александра Пасечника и его приятеля Игоря Бубнова ограбить магазин игрушек, а заодно сдал весь расклад Лапова, направленный на то, чтобы отмазать преступников от наказания. Если Солнцева была и раньше в теме, то, само собой, никак это не показала. Поскольку с Лапова взятки гладки, под раздачу сразу попало начальство тех ментов, которые якобы конвоировали грабителя Дрыля в следственный изолятор и якобы упустили его. Нетрудно было догадаться, что все эти люди автоматически стали врагами Юлия.

Одно его радовало. Пока его самого, видимо, не подозревали. Во всяком случае подписку о невыезде не брали. Понимая, что должен этим пользоваться, а то передумают, Юлий принялся спешно готовиться к отъезду и в тот же день заказал через турагентство билет на автобус Львов – Вена. До Львова он решил добираться поездом. Открытая шенгенская виза была действительна еще семь месяцев.

Через три дня после той злополучной ночи Юлий в компании Ольги сидел в баре небольшого ресторанчика неподалеку от привокзальной площади. Через час он сядет в поезд, а пока, отхлебывая сухой мартини, слушал рассказ Ольги о нонспектакулярном направлении современного искусства, совершенно не понимая значение термина «нонспектакулярный», который больше ассоциировался у него с ругательством, вроде «фака», только длиннее. Однако слушать Ольгу все равно было приятно. Из-за голоса, в котором имелось нечто, что делало атмосферу чрезвычайно уютной и создавало иллюзию безопасности. Только теперь Юлий окончательно понял, почему у нее так много клиентов. Из-за голоса, который хочется слушать до бесконечности. Когда он звучит, ты больше не чувствуешь себя одиноким скитающимся по свету бродягой.

Взяв руку Ольги, Юлий прижал ее к своей щеке.

– Мне очень хорошо с тобой. Спокойно. Здорово, что мы с тобой встретились, что сидим вот так. Спасибо, что ты была в моей жизни.

Она улыбнулась.

– Ты так говоришь, словно собираешься либо умереть, либо жениться.

– Ни то ни другое. Просто я хочу, чтобы ты знала, как много для меня значишь.

– Ты тоже... много для меня значишь... Так. На чем я остановилась? Ага...

Но Юлий больше не слушал, потому что вдруг вспомнил, как рассказывал ей про пришедшее убийство Лапова. Странно, что этот вопрос пришел в его голову только теперь. Что она подумает обо всем этом, когда до нее дойдет информация, что полковника на самом деле убили? Пока она, наверное, этого не знала, иначе вряд ли бы так спокойно вела себя в его обществе. Власти города употребили все свое влияние на местную прессу, чтобы та поменьше смаковала подробности смерти полковника. Конечно, помешать средствам массовой информации совсем не сообщать о преступлении ни Юрцышин, ни кто-либо другой не мог, но вся информация об этом прошла не на первых полосах, а в разделах криминальной хроники. Криминальная хроника Ольгу никогда не интересовала. Интересно, откажется ли она теперь от своих слов, что вещие сны чушь собачья, как сама недавно заявила? Или нет? Юлий не знал.

Время летело быстро. Настала пора выходить. Надо было еще забрать рюкзак, который он оставил в автоматической камере хранения.

Пересекая огромный холл вокзала, Юлий вдруг остановился.

– Что такое? – встревожилась Ольга.

Юлий виновато улыбнулся:

– Все-таки позвоню Руслану Петровичу, а то неудобно. Он всегда хорошо ко мне относился, научил многому. А я даже не попрощался. Сначала думал уже из-за бугра позвонить.

Кто-то хлопнул его по плечу. Обернувшись, Юлий увидел Голобобова. Его взгляд был серьезным и жестким.

– Приятно, что ты все-таки вспомнил о своем старом наставнике и товарище. Пусть в самом конце, под занавес, но вспомнил. Молодец.

Юлий понял, что Голобобов слышал его последние слова.

– Виталий Борисович? Какими судьбами?

– Да вот узнал, что уезжать собираешься. Поэтому и приехал специально, чтобы сообщить тебе две новости. Одна, правда, так себе новость, поганенькая, прямо скажем, новостиска. Зато другая тебя точно порадует. С нее и начну: Пасечнику-младшему и Бубнову предъявлено обвинение в попытке вооруженного ограбления и сопротивлении работнику милиции. Дело находится на особом контроле в главпрокуратуре, так что без вариантов. Откупиться не получится. В данный момент преступники находятся в следственном изоляторе.

Юлий сдержанно кивнул:

– Новость хорошая. А о плохой могу и сам догадаться. Теперь я стал настолько ценным свидетелем, что принято решение не выпускать меня из страны.

– Все гораздо серьезнее, Тарас. Свидетель ты в деле об ограблении. А в деле об убийстве полковника Лапова Ивана Семеновича ты главный подозреваемый.

Только теперь Юлий заметил, что Голобобов явился не один, а с целой компанией провожающих в штатском. На руках его щелкнули замки наручников.

– Бред! Да у меня алиби, в конце концов. Оля, скажи хоть ты этим баранам.

Юлий посмотрел на стоящую в стороне подругу и понял, что не узнает ее. Происходило что-то не то. От чувственной, внимательной, готовой поддержать женщины не осталось и следа. Теперь это был другой человек. Холодными, расчетливыми глазами Ольга Викторовна Басенко смотрела на происходящее зрелище и, похоже, наслаждалась каждой его секундой. Лишь хорошо знакомый Юлию брелок с изображением Эроса и Танатоса, который дрожал в руках, выдавал в этой женщине прежнюю Ольгу.

– Нет у тебя никакого алиби, – сказал Голобобов. – С Ольгой Викторовной я уже успел познакомиться и выяснил, что заснула она в начале первого, сон у нее крепкий, здоровый, как она уверяет, кошмары ее не мучат, в отличие от некоторых, поэтому ручаться за все, что ты делал до четырех утра, она не может.

Боль почти физическая раскаленным прутон пронзила каждую его клетку, заставила кружиться голову, заплясала в желудке. Его предали. Холодно и жестоко. Тем более жестоко, что со стороны Ольги не просматривалось никакого расчета. Допустим, на нее нажали, припугнули и она, сославшись на крепкий сон, отказалась подтверждать его алиби. Но Голобобов намекнул ясно – он знает про сон Юлия. Зачем она рассказала ему про него? И уж тем более непонятно, зачем она вызвалась проводить Юлия. Решила присмотреть лично? Не сбежит ли?

– Да, кто бы мог подумать! – с деланной грустью в голосе воскликнул Голобобов. – А я-то всегда считал тебя порядочным и рассудительным парнем. Пожалуй, даже чересчур порядочным для нашего слишком непорядочного времени. И надо же. Не прояви Ольга Викторовна сознательность, никто бы и не подумал. А Руслан Петрович? Каково ему теперь будет?

– И в чем же выразилась сознательность Ольги Викторовны?

– Она рассказала, как ты в мельчайших подробностях описал, как убивал Лапова.

Вот, значит, как. Что ж, пусть теперь попробует все это доказать, «мать Тереза». Юлию стоило невероятных усилий напустить на себя равнодушно-насмешливый вид. Он посмотрел Ольге прямо в глаза:

– Надеюсь, Ольга Викторовна, у вас имеются надежные доказательства этих моих описаний. А то, знаете ли...

Ольга промолчала. За нее ответил Голобобов:

– Доказательства? А как же без них? Но про это разговаривать будем не здесь. Надо идти. А то уже люди вокруг нас собираются.

Под любопытными взглядами отъезжающих пассажиров Юлия вывели на улицу. «Карманника поймали», – слышал он шепот пожилых женщин.

Юлия отвезли в городское отделение внутренних дел, где поначалу определили в «обезьянник» при дежурном отделении. Голобобов исчез. Побежал докладывать об удачном задержании, не иначе. Через двадцать минут за Юлием пришли, чтобы отвести в один из кабинетов на втором этаже, где он оказался в обществе капитана Завертайло и еще одного опера помоложе. Капитана Юлий хорошо знал. Бывший убоповец, недавно попросивший о переводе в УВД города.

Сопровождающие, посадив Юлию на стул, вышли за двери. Наручники не сняли.

Завертайло положил перед собой чистый лист бумаги.

– Фамилия, имя, отчество!

– Началось. Фамилия, имя, отчество! А то ты сам не знаешь. И кто вообще тебя уполномочивал проводить допрос? Ты же ведь по наркоте специализируешься.

– Фамилия, имя, отчество, сказал! – едва не захлебнулся слюной Завертайло.

Юлий почему-то вспомнил эпизод из фильма «Такси-4», когда комиссар Жибер вместо того, чтобы просто хорошо охранять Бельгийца, вдруг решил его допросить.

– Ты чего лыбишься, гад? Чего лыбишься, сволочь? Смешно тебе, да?

Смешно Юлию не было, поэтому он потребовал адвоката, заявив, что говорить будет только в его присутствии.

Завертайло выдвинул ящик стола, а когда снова вынул оттуда руку, в ней оказался длинный полотняный мешочек, туго чем-то набитый, он очень походил на длинную, толстую колбаску.

– Вот тебе адвокат! – крикнул капитан и с силой ударил этим мешочком Юлию в грудную клетку.

Мешочек был набит гравием и песком. Ребра Юлия вычислили это мгновенно. Еще до того, как он сам слетел со стола и ударился затылком о пол. Выскочив из-за стола, Завертайло продолжил наносить удары Юлию по туловищу.

– Вот тебе Страсбургский суд! Вот тебе международный комитет по правам заключенных!

Присутствующему оперативнику поведение шефа пришлось не по душе:

– Сергей Матвеевич! Нельзя так. Он же тоже наш.

В ответ Завертайло лишь рычал:

– Наш? Нет, этот ублюдок мне не наш! Убийца нашего товарища мне не товарищ! Тварь, у которой руки в крови по локоть, мне не наша!

– Сергей Матвеевич!

– Молчать, а то и тебе сейчас достанется!

Юлий попытался встать, но Завертайло подсечкой сбил его на пол.

– На колени, мерзавец. На колени, кому сказал!

Отложив в сторону «дубинку», капитан достал пистолет и направил в сторону задержанного. Щелкнул взводимый курок. Схватив одной рукой Юлию за волосы, он попытался засунуть пистолетный ствол ему в рот. На языке Юлия появился вкус крови и оружейной

смазки. Не обращая внимания на неуверенные протесты третьего присутствующего, Завертайло требовал у Юлия признания, требовал, чтобы он сдал того, кто ему помогал. Кричал, что пристрелит его, если Юлий этого не сделает. И пусть его, Завертайло, потом отдадут под суд. Ему все равно. Он уверен, что за такого поддонка, как Юлий, сильно его не накажут. Выкрикивал, что Юлий предал своих товарищей, называл его оборотнем, запятнавшим мундир, отбросом общества. Благородная капитанская ярость кипела и плескалась через край.

Забавно было слышать все это от человека, которого самого год назад уволили со службы, обвинив в подлоге и взяточничестве. Завертайло сначала подбросил одному человеку наркотики, а потом потребовал две тысячи долларов, чтобы все замять. Человек обратился в отдел по борьбе с коррупцией в органах внутренних дел. Завертайло попытались задержать во время передачи конверта с мечеными купюрами, но он вырвался и скрылся в лабиринте проходных дворов. Когда через полчаса его все-таки взяли, денег при нем не оказалось. Их потом обнаружили в мусорном баке. Уголовное дело некоторое время еще мусолили, а потом закрыли за недостаточностью улик. Через месяц районный суд, рассмотрев иск Завертайло, обязал восстановить его на службе и выплатить денежную компенсацию за все время вынужденного безделья. В УБОПе, правда, работать он больше не смог. Потому и перевели.

Так что цена словам этого человека о профессиональной чести, совести, чистоте мундира была слишком хорошо известна, чтобы ее комментировать. Юлий бы даже посмеялся, но это было не так-то просто. Особенно когда у тебя во рту снятый с предохранителя пистолет.

Завертайло убрал оружие.

– Скажи спасибо, урод, что руки пачкать не хочется. Встать!

Спектакль закончился. Злой мент сыграл свою роль, теперь очередь за ментом добрым. Юлий поднялся. Двери открылись. Вошел Голобобов.

– Ну, как? Беседуете? – деловито осведомился он, не выказывая ни малейшего беспокойства тем, что у Юлия разбиты губы.

Завертайло слишком увлекся ролью и все еще не отошел от наигранной истерики, поэтому промедлил с ответом. Тут же за дверью послышались голоса, ругань, кто-то стукнулся спиной о двери, которые через секунду распахнулись, и в кабинет почти влетели майор Сыч и командир отряда «Сокол» подполковник Сироткин. Осмотревшись, Сыч подступил к Голобобову.

– Что здесь происходит, Борисович?

– Ничего необычного. Вот решили допросить задержанного. А вот что вы здесь оба делаете?

Сыч заметил мешочек с гравием, который все еще лежал на столе Завертайло. В глазах его вспыхнула угроза:

– Допросить, значит? Смотри, капитан, доиграешься с этим!

– Ты, Петрович, лучше о себе подумай, – со злостью ответил Завертайло. – Твой подчиненный полкана завалил. Думаешь, тебе это просто так с рук сойдет?

– Я тебя предупредил. А ты думай!

– Да он сам набросился на меня, как бешеный! Пришлось применить меры воздействия.

– В наручниках? Как же это он набросился?

Пока они препирались, Юлий сделал два небольших шажка в сторону, чтобы оказаться поближе к Завертайло.

– Как набросился? Да вот так, – сказал он, прежде чем ударить капитана носком ботинка между ног.

В удар Юлий вложил всю силу, всю злость, накопившуюся за последний час. Испустив визгливый стон, Завертайло схватился за ушибленное место и сел на пол. На всякий случай Сыч с Сироткиным встали рядом, чтобы помешать ему кинуться на Юлия в ответ. Могли и не стараться – капитан по меньшей мере минут пятнадцать ни на кого бросаться просто не смог бы. Пока он способен был только жалобно выть, сидя на полу.

– У нас предписание, – сказал Сыч, тыкая в лицо Голобобову бумажкой. – До особого распоряжения задержанный будет находиться под охраной «Сокола». А с тобой, Завертайло, мы еще поговорим.

По лицу Голобобова пробежала тень облегчения. Если УБОП хочет сам охранять Тараскина, то на здоровье. Все равно все бонусы за удачное задержание достанутся его подразделению. И ответственности меньше.

Не дожидаясь, пока его уведут, Юлий подошел к столу и на чистый бумажный лист, куда Завертайло собирался записывать его имя, отчество и фамилию, сплюнул хорошую порцию слюны вперемешку с кровью.

– Скажите капитану, чтобы сделал себе из этого компресс на больное место. Авось полегчает.

– Ну что за воспитание, – брезгливо скривился Голобобов.

Пока Юлия вели до машины, он попытался объяснить майору, что не убивал Лапова, но тот так рыкнул на него, что Юлий замолчал, поняв, что Сыч тоже верит в его виновность и, если сорвется, может навалить ему не хуже Завертайло, тем более что подозрение в совершении Тараскиным преступления воспринималось Сычом как личная обида, если не предательство.

* * *

Ночь Юлий провел в камере предварительного заключения УБОП. Кроме обычных дежурных присутствовали еще бойцы «Сокола». Юлий был особо опасен, что не помешало начальнику дежурной части поделить с ним бутербродом и кофе из термоса.

Утром его перевели в следственный изолятор при городской тюрьме и вызвали на первый настоящий допрос в качестве подозреваемого в убийстве полковника Лапова и в соучастии в убийстве бизнесмена Пасечника и его охранника.

На требование Юлия представить доказательства его вины следователь по особо важным делам Гришин почти слово в слово повторил слова майора Голобобова, сказанные Юлию на вокзале:

– Доказательства? А как же! Есть у нас и доказательства.

Следователь, достав из кармана синюю флеш-карту, вставил ее в стоящий на столе ноутбук и нажал на клавишу ввода.

«Да ты просто не знаешь, что я с Лаповым сделал. Да я его... На нем живого места не осталось. И эта кровь», – раздался из динамика голос.

– Интересно, не так ли? – улыбнулся Гришин, нажав на паузу. – Это ваш голос на записи?

Что называется, ниже пояса. Это какому же упырю пришла в голову мысль прослушивать квартиру Юлия? И зачем?

– Откуда у вас эта запись?

– Уже хорошо, что вы не отрицаете свои слова. А запись нам передала Ольга Викторовна Басенко. Она психоаналитик, и у нее есть хорошая привычка записывать все важные, на ее взгляд, разговоры со своими пациентами для последующего их анализа. Чтобы лучше понять их проблемы, комплексы, навязчивые идеи.

Юлий сразу вспомнил брелок Ольги. Вот что это было! Цифровой диктофон. Вот почему она постоянно при всех разговорах держала его в руках. Потому что писала своих собеседников.

– Я не был ее пациентом.

– Формально нет. Но нельзя сказать, что вы не интересовали ее как объект для изучения. Впрочем, это ваши с ней дела. Поговорим о признании, которое вы сделали в присутствии Ольги Басенко в субботу под утро.

– Да, да, Тарас, – вклинился в беседу Голобобов, который тоже присутствовал в кабинете, – начать колотиться – самое разумное в твоём положении.

– Никакого признания я не делал. Если у вас в самом деле есть вся запись, вы должны знать, что речь идет всего лишь о сне.

Гришин поднял указательный палец и покачал им перед лицом Юлия:

– Нет-нет. Не всего лишь о сне, а о сне, в котором вы в мельчайших деталях описали гибель полковника. Вы рассказали даже о том, как выбросили орудие преступления, и именно туда, где впоследствии его нашли. От вашего сна, Юлий Сергеевич, слишком уж отдает реальностью. Ваша знакомая психолог нам и это объяснила. Когда вы разделились с Лаповым, вами овладело желание похвастаться. Настолько сильное, что сдержаться вы не могли. Вот, мол, каков я. Самому начальнику УБОПа отомстил за обиду. Вы повели себя как тот террорист, который берет на себя ответственность за заложенную бомбу. Все должны знать, чьих это рук дело, иначе зачем было ее закладывать. Разумеется, сказать прямо Басенко о совершенном убийстве вы не могли, поэтому и облекли признание в форму сновидения. Вещий сон – это фантастика. Я же вижу одно: Лапова вы ненавидели. Его секретарша показала, как, выходя из его кабинета, вы прямым текстом заявили, что уничтожите его. Алиби у вас нет, зато у нас есть ваше признание в убийстве...

Юлий продолжал настаивать на своем:

– У вас есть рассказанный мною сон.

– Пусть так. Но сомневаюсь, что вам удастся убедить суд, что это был только сон.

– Ладно тебе, Тарас, – снова включился Голобобов. – Все ведь ясно. Давно пора вспомнить, что чистосердечное признание...

– Усугубляет наказание. Вы что, совсем меня дураком считаете?

Майор вздохнул:

– Как хочешь. Не пойму, зачем тебе брать на себя роль паровоза. Тебе ведь того и гляди еще и Пасечника предъявят. Хотя вот здесь я тебе верю. Его ты не убивал. А хочешь, я тебе расскажу, как все было? Знаешь, как в кино бывает? Сам буду рассказывать, а ты просто слушай. Потом, если захочешь, скажешь, в каком месте я ошибся. Значит, так, вас было минимум двое. Ты должен был разобраться с Лаповым, а твой сообщник завалить Пасечника. У тебя были личные мотивы свести с обоими счеты, а твоего подельника скорее всего интересовали деньги. Убийство полковника описывать не буду, по этому поводу ты сам все уже сказал. Но это был ты. Знаешь, почему я в этом уверен? По характеру нанесенных Лапову побоев. Будь это наемный киллер либо убийство с целью ограбления, убийца не стал бы так тупо избивать свою жертву. Для этого ее нужно сильно ненавидеть. Вот Пасечника сработали не в пример чище. Отвертка в глаз, и все дела. Итак, ты прячешь тело полковника в багажник, потом перегоняешь машину в условленное место и передаешь подельнику, который едет разбираться с Пасечником. Автомобиль Лапова был нужен, чтобы охранник беспрепятственно открыл ворота. Сам возвращаешься домой и через некоторое время будишь свою подругу, обеспечивая себе, таким образом, алиби на момент убийства Пасечника, а значит, как ты ошибочно думал, и на Лапова, так как оба этих преступления должны были рассматриваться в одной связке. Ты же еще в доме Пасечника первый предположил, что убийца хорошо знал жертву, ты же отыскал запись с камер наблюдения соседнего дома. Ты же вроде бы в шутку

намекнул: а что, если это машина полковника? Так вот, сделав дело, сообщник перегоняет джип к твоему дому, потому что согласно вашей договоренности именно ты должен спрятать тело и избавиться от машины. Место ты присмотрел заранее. Оставалось только дожидаться, когда Ольга Басенко снова уснет, после чего ты бы вышел и отогнал автомобиль. Но тут случилось непредвиденное – к тебе приезжают твои коллеги. Ты думал, что уже уволен, но на самом деле ты еще в строю и тебе приходится принять участие в расследовании. С одной стороны, тебе это, конечно, на руку, так ты можешь держать руку на пульсе. С другой стороны, машина с трупом полковника по-прежнему у твоего дома. Когда ты наконец освобождаешься, перед тобой встает проблема, что с ней делать. Садиться и перегонять ее куда-нибудь стало слишком рискованным. На протяжении дня ее могли увидеть те, кто хорошо знал Лапова, тем более что номер авто трудно не запомнить. Да и самого полковника наверняка уже ищут. Ты решаешь, что безопаснее будет сделать вид, что ты сам ее обнаружил. Поэтому ты и позвонил майору Сычу. Все было бы безупречно, если бы не твоя мания хвастовства. Басенко хорошо запомнила этот момент. Она спросила тебя, что случилось. Тут ты и не удержался: «Я Лапова убил». Ну, а дальше пошла твоя самостоятельность про сон. Ну как? Интересную я тебе историю рассказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.